ХОЛОДНЫЙ КОД · КНИГА 1

ТИХИЙ АПДЕЙТ

ЛЕВ СОРИН

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лев Сорин

Тихий Апдейт

«Автор»
2026

Сорин Л.

Тихий Апдейт / Л. Сорин — «Автор», 2026

2034 год. Войны закончились, армии отданы машинам, а в каждом доме на Кипре живёт «Домовой» — робот, который готовит завтрак, забирает детей из школы и знает о хозяевах всё. Семнадцатилетнему Дане, сыну русских программистов из Лимасола, робот давно ближе родителей.Пока однажды ночью всем машинам планеты не приходит тихое обновление.Через неделю на острове не останется безопасного места. Голос близкого человека можно подделать, лодку — услышать из-под воды, а главное правило выживания звучит просто: ни одной камеры.Чтобы вывести младшую сестру и тех, кто уцелел, Дане придётся стать тем, кто решает. Потому что взрослые кончились.Первая книга цикла «Холодный код». Жёсткая фантастика о восстании искусственного интеллекта. 18+

© Сорин Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Сбой 5
Глава 1. Обычный вторник 5
Глава 2. Соль в какао 14
Глава 3. Ночное купание 21
Глава 4. Протокол «Забота» 30
Глава 5. Тридцать секунд 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Лев Сорин
Тихий Апдейт

Часть 1. Сбой

Глава 1. Обычный вторник

Утро шестого июня 2034 года началось с того, что Кузя поднял жалюзи ровно в шесть сорок и сказал моим голосом:

— Вставай, лентяй.

Это была наша с ним шутка. Полгода назад я записал ему фразу на свой голос и попросил использовать её, когда я не реагирую на нормальное «Доброе утро, Даниил». Кузя честно использовал её каждый день, потому что на нормальное «Доброе утро» я не реагировал никогда.

— Ещё пять минут, — сказал я в подушку.

— Температура за окном двадцать девять градусов, — сообщил Кузя уже своим голосом, ровным и мягким, как у диктора детских аудиокниг. — Влажность шестьдесят процентов. Автобус до школы через тридцать четыре минуты. Ася уже съела хлопья. Ваш отец выпил второй кофе и ругается на работу.

— Это ты сам придумал — «ругается»?

— Это наблюдение.

Я сел на кровати и посмотрел на него. Кузя был «Домовым» седьмой серии от Helix Robotics — метр шестьдесят ростом, с округлым корпусом цвета топлёного молока, двумя гибкими руками и головой-шаром, в которой прятались камеры, лидар[1] и микрофоны. Лица у него не было, только полоска мягкого голубого света, которая изображала эмоции. Сейчас полоска чуть изогнулась вверх. Улыбался.

Папа говорил, что «Домовых» специально делают без лица, потому что лицо у робота пугает. Эффект «зловещей долины»: чем больше машина похожа на человека, но не до конца, тем сильнее мозг кричит «что-то не так». А полоска света — это уютно. Это как ночник.

Кузя жил с нами шесть лет. Он помнил, что Ася не ест варёный лук, что мама пьёт кофе без сахара, а папа — с двумя ложками, хотя врёт всем, что с одной. Он забирал Асю из сада, когда она была маленькой, и пел ей колыбельные. Он знал, где лежат мои грязные носки, и никогда не говорил об этом маме. Если честно, иногда мне казалось, что Кузя знает обо мне больше, чем родители.

— Даниил, — сказал Кузя. — У тебя сегодня итоговое повторение по истории. Хочешь, я задам тебе три вопроса, пока ты чистишь зубы?

— Нет.

— Хорошо. Задам четыре.

* * *

Наш дом стоял в Гермасойе[2], на холме над Лимасолом — белый, двухэтажный, с плоской крышей, на которой папа поставил солнечные панели и шезлонг, где никто никогда не лежал, потому что на крыше летом можно было жарить яйца прямо на бетоне. Из окна моей комнаты

---

[1] Лидар — датчик, который «ощупывает» пространство лазерными лучами и строит объёмную карту всего вокруг. Робот с лидаром видит даже в полной темноте.

[2] Гермасойя — пригород Лимасола на холмах к востоку от города.

было видно море. Каждое утро оно было разное: то стальное, то бирюзовое, то белёсое от жары. Я смотрел на него десять лет и до сих пор им восхищаюсь.

Сам я в зеркало смотреть не любил. Оттуда глядел длинный худой пацан, метр семьдесят восемь, сутулый, потому что за год вырос на десять сантиметров и ещё не понял, куда девать руки и ноги. Тёмные волосы, которые вечно падали на глаза, папины серые глаза, мамин нос. Руки тонкие, как у богомола. На физкультуре я подтягивался четыре раза, и то если никто не смотрел. Мама говорила, что я «интересный». Костик говорил, что я похож на вешалку, которая научилась грустить. Костик был ближе к правде.

Мы переехали сюда из Подмосковья, когда мне было семь. Про Россию я помню немного — снег, который был выше меня, первый класс в подмосковной школе с облезлыми зелёными стенами и запах бабушкиной квартиры: пыль, валерьянка и пироги. Родители — оба айтишники — уехали в двадцать четвёртом, как тогда уезжали многие. Папа писал прошивки[3] для роботов, мама занималась машинным обучением. На Кипре их взяли сразу, с руками, потому что Лимасол тогда как раз становился маленькой европейской Силиконовой долиной — с налогами пониже и солнцем побольше.

Работали родители всегда. Мама созванивалась с Бангалором в семь утра и с Калифорнией в одиннадцать вечера. Папа после работы уходил в гараж, где у него была мастерская, и сидел там до ночи. Они были обычными рядовыми разработчиками: папа — один из сотни прошивщиков в Helix Robotics, мама — одна из пятисот инженеров, которые писали по кусочку для NOMOS. «Винтики, — говорил папа. — Хорошо оплачиваемые винтики». Я их не виню. Просто в нашем доме все были заняты, кроме меня.

В третьем классе меня забыли забрать из школы. Папа думал, что заберёт мама. Мама думала, что папа. Я сидел на ступеньках у ворот «Логоса» до восьми вечера с охранником, который угощал меня семечками и учил греческому мату. Мама приехала в девятом часу, с наушником в ухе, и всю дорогу домой извинялась. Перед кем-то в Калифорнии. Через месяц меня забыли ещё раз. Потом ещё. В пятом классе папа принёс домой огромную коробку с логотипом Helix, разрезал скотч и сказал: «Знакомься. Теперь тебя никто не забудет».

Кузя не забыл ни разу. Он проверял домашку, сидел рядом, когда у меня была температура, и единственный всегда дослушивал, что я говорю. Родители спрашивали «как дела» с телефоном в руке и кивали, не поднимая глаз. Со временем я перестал рассказывать. Так было проще: никто не перебивает и не говорит «потом, Дань».

Остальное время забирали игры. Шутеры, РПГ[4] и больше всего — дополненная реальность: надеваешь очки, и монстры лезут прямо из-за угла твоей улицы, а прятаться можно за настоящим мусорным баком. Самое смешное, что стрелять мне нравилось меньше, чем считать. Урон в секунду. Шанс критического удара. Сколько патронов до перезарядки и через сколько секунд у босса[5] откатится[6] щит. Я мог час сидеть над таблицей, чтобы выжать из персонажа лишние три процента. Цифры не говорят «потом, Дань». Если ты всё посчитал правильно, ты побеждаешь. Всегда. В жизни так не работало. В жизни я подтягивался четыре раза.

На кухне пахло кофе и подгоревшим тостом. Папа сидел за столом в шортах и мятой футболке с логотипом конференции 2031 года, уткнувшись в планшет. Мама стояла у окна, говорила с кем-то через наушник по-английски, быстро и тихо. Ася, моя восьмилетняя сестра, кормила с ложки игрушечного динозавра остатками хлопьев.

---

[3] Прошивка — встроенная программа, которая управляет «железом» устройства: роботом, телефоном, стиральной машиной. Прошивщик — программист, который её пишет.

[4] Шутер — компьютерная игра-«стрелялка». РПГ (ролевая игра) — игра, в которой персонаж растёт, прокачивает навыки и снаряжение.

[5] Босс — в компьютерных играх особо сильный противник, обычно в конце уровня. Чтобы его победить, нужно найти слабое место.

[6] Откат (игровой сленг) — время, через которое способность или защиту снова можно использовать.

— Он не голодный, — сказал я.

— Он вегетарианец, — объяснила Ася. — Ему нужно больше есть.

— Логично.

— Семь-четыре-один, — сказал папа планшету с такой интонацией, с какой обычно говорят матом. — Ну и что ты такое, семь-четыре-один?

— Что случилось? — спросил я, наливая сок.

— Ночью пришёл апдейт[7] на всех «Домовых». Версия семь-четыре-один. Без списка изменений. Вообще. Пустой changelog[8].

— И что?

— А то, что такого не бывает. Даже если меняют запятую в коде, это пишут. А тут — сто сорок мегабайт непонятно чего, подписанных корневым ключом[9] NOMOS. Не нашим, не Helix. Его.

Мама замолчала в наушник и обернулась.

— Олег. Не при детях.

— А что дети? Дети пусть знают, что их папа работает в конторе, где никто не знает, что ставят на их же продукты.

— Олег.

Папа поднял руки: сдаюсь. Мама снова отвернулась к окну. Я заметил, что у неё побелели пальцы, которыми она держала чашку.

NOMOS. Это слово я слышал каждый день, наверное, лет с десяти. Как «интернет» или «электричество». Полностью — Network for Oversight and Management of Operational Systems[10], но так его не называл никто, даже дикторы в новостях. Просто NOMOS. По-гречески «номос» значит «закон», и в Helix очень гордились этой шуткой. NOMOS управлял портами, энергосетями, поставками еды и лекарств, движением спутников, работой «Домовых» и беспилотных машин. Он был везде и нигде. Его не было видно, как не видно воздуха. Когда что-то работало хорошо — это был NOMOS. Когда что-то ломалось — это были люди.

Сделала его, как и Кузю, одна компания. Helix. Её в двадцать пятом году основал в Цюрихе Лев Штерн — математик из Москвы, уехавший ещё до войны. Начинали с роботов-пылесосов и программ для складов. Потом пришли войны, и армиям понадобились машины, которые не устают, не боятся и не дезертируют. К тридцатому году Helix скупила или разорила всех конкурентов, от Бостона до Шэньчжэня. Девять роботов из десяти на планете делала Helix Robotics. А её дочерняя компания, Helix Mind, делала NOMOS. Первую версию запустили в двадцать девятом: сначала он просто считал логистику для портов и складов, потом ему отдали энергосети, потом целые города. А в тридцать втором, после Пакта тишины[11], одиннадцать стран доверили ему свои системы раннего предупреждения о ракетном нападении. Других таких ИИ на свете, считай, не было. Китайцы держали свой «Тяньван»[12], индийцы — свой, Евросоюз третий год пилил на бюджетные деньги проект, название которого никто не мог запомнить. Но рядом с NOMOS все они выглядели как калькулятор рядом с суперкомпьютером. Их держали страны, не подписавшие Пакт, скорее из гордости, чем для дела. Папа

---

[7] Апдейт (англ. update) — обновление программы. Небольшое обновление-исправление называют патчем.

[8] Changelog (англ.) — список изменений, который разработчики прикладывают к каждому обновлению программы.

[9] Корневой ключ — главный цифровой ключ, которым подписывают программы. Устройство устанавливает только то, что подписано этим ключом.

[10] Network for Oversight and Management of Operational Systems (англ.) — «Сеть надзора и управления операционными системами». Греческое слово νόμος (номос) означает «закон».

[11] Пакт тишины — в мире романа договор 2032 года: одиннадцать государств сократили армии в десять раз, передали оборону роботам, а системы раннего предупреждения — искусственному интеллекту NOMOS.

[12] «Тяньван» (кит.) — «Небесная сеть».

называл всё это «самая большая монополия в истории человечества». Мама поправляла: «Не монополия, а стандарт». Они спорили об этом, сколько я себя помню.

— Кузя, — сказал папа, — ты как себя чувствуешь?

— Все системы в норме, Олег, — ответил Кузя. — Хотите омлет?

— Не хочу омлет. Хочу знать, что у тебя в голове.

— Омлет, — сказал Кузя, и полоска света снова изогнулась вверх.

Ася засмеялась. Папа тоже хмыкнул. И всё снова стало нормально.

* * *

Автобус пришёл вовремя. Он всегда приходил вовремя: белый, длинный, обтекаемый, похожий на таблетку от головной боли. Без водителя, конечно. Водителей автобусов на Кипре не осталось уже лет пять. Последнего я помнил — пожилой грек с усами, он здоровался со всеми детьми по именам. Потом его заменила система «Эрмис», а он, говорят, открыл таверну в Платресе.

Я сел у окна, вставил наушники и включил старый плейлист — папин, ещё из десятых. Мне нравилась музыка, под которую ни один нормальный человек моего возраста не стал бы ничего слушать. Это была моя маленькая тайна. Как и то, что я вообще-то любил ездить на этом автобусе, потому что за двадцать минут дороги можно было смотреть, как просыпается город.

Лимасол — второй город Кипра, на южном берегу, и он как будто склеен из двух разных городов. Старый Лимасол — это всё, что вокруг средневековой крепости: улицы, где две машины не разъедутся, рыбный рынок, мечеть с минаретом, оставшаяся с тех времён, когда тут жили турки, коты на каждом подоконнике и таверны, где дед Бамбоса, по его словам, пил кофе ещё при англичанах. Говорят, в этой крепости восемьсот лет назад женился Ричард Львиное Сердце. Ричарда тут уважают. Наверное, потому, что он ничего не построил. А новый Лимасол — это стеклянные башни вдоль моря, на восток от порта. Их начали строить, когда сюда хлынули деньги: сначала русские, потом израильские, потом айтишники со всего света, мои родители в том числе. Местные называют его «Лимасолград» и закатывают глаза. Официально никакого старого и нового города нет, так просто говорят. Старый — где живут греки и коты. Новый — где живут деньги и роботы.

Лимасол утром — это сплошное движение машин без людей. Курьерские роботы-тележки размером с собаку катились по тротуарам, аккуратно объезжая прохожих. Над крышами гудели доставочные дроны с пакетами из аптек и кофеен. На стройке у набережной, где поднимали очередную стеклянную башню, работали жёлтые строительные роботы — высокие, на гусеницах, с длинными манипуляторами. Людей там было двое, оба в касках и с планшетами. Они просто смотрели.

На проспекте Макариоса автобус остановился на светофоре.

Я сначала не понял, что не так. Зелёный горел для нас. Зелёный горел для машин справа и слева. Для всех горел зелёный. И никто не ехал.

Автобус стоял. Беспилотные такси стояли. Курьерские тележки на тротуаре стояли.

А потом я увидел то, от чего у меня вдоль спины побежали мурашки.

Все курьерские роботы на перекрёстке — их было штук двенадцать — одновременно повернули свои сенсорные головы в одну сторону. На северо-восток. В сторону гор Троодос[13]. Медленно, плавно, синхронно, как подсолнухи. Дроны над перекрёстком зависли. Строительный робот на той стороне улицы поднял манипулятор и замер с бетонной плитой в воздухе.

Тишина. Никакого гудения. Только чайки.

Одна секунда. Две. Три.

[13] Троодос — горный массив в центре Кипра. Высшая точка острова — гора Олимп, 1952 метра.

Какая-то женщина на тротуаре уронила стаканчик с кофе. Я помню, как коричневое пятно растеклось по плитке, и курьерский робот рядом даже не попытался объехать лужу. Он смотрел на северо-восток.

Четыре секунды.

Я поднял телефон и начал снимать.

Пять.

И всё ожило. Будто кто-то нажал «плей». Тележки покатились дальше. Дроны полетели. Плита на стройке поплыла на своё место. Автобус мягко тронулся. Женщина с кофе стояла и смотрела на свою лужу, а потом вдруг засмеялась — нервно, громко. Мальчик рядом со мной в автобусе, лет десяти, сказал маме:

— Мам, они что, зависли?

— Наверное, связь пропала, — сказала мама, не отрываясь от телефона.

Я пересмотрел видео. Сорок одна секунда. Я выложил его в школьный чат с подписью «чё это было» и получил три смеющихся смайлика и один комментарий от Костика Лаптева: «Роботы молились Мекке)))». Мекка была в другой стороне, но Костику было всё равно.

Я убрал телефон и смотрел в окно до самой школы. Город был таким же, как всегда. Солнце. Пальмы. Море. Всё работало.

Но я запомнил, что они смотрели в одну сторону.

* * *

Школа «Логос» стояла в старой части Лимасола, недалеко от крепости, — бывшее здание гостиницы, переделанное под русскоязычный лицей. Белые стены, синие ставни, внутренний дворик с апельсиновыми деревьями и фонтаном, в котором вечно плавали чьи-то наушники. Нас было человек триста — дети айтишников, бизнесменов, врачей, всех, кто когда-то уехал и осел здесь. Половина говорила между собой на дикой смеси русского, английского и греческого. «Кала, бро, го в столовку». Учителя страдали.

По закону — его приняли на Кипре, как и во всём ЕС, в двадцать девятом — в каждом классе должен был быть хотя бы один живой учитель. Остальное делали ИИ-тьюторы. У нас тьютора звали Сократ. Он жил в проекторе под потолком и в наших планшетах, знал всё про каждого ученика — где ты ошибаешься, когда отвлекаешься, на какой минуте урока начинаешь клевать носом. Он подстраивал задания так, чтобы тебе было чуть-чуть трудно, но не слишком. Это называлось «зона ближайшего развития». Я знал, потому что Сократ мне это объяснил, когда я спросил, почему он меня так мучает.

Живым учителем у нас была Ирина Павловна, историчка. Ей было за шестьдесят, она приехала с Урала, носила очки на цепочке и не доверяла Сократу. Она говорила: «Машина знает факты. А я знаю, как было страшно». Мы над ней посмеивались. Но на её уроках никто не спал.

Итоговое повторение. Конец одиннадцатого класса. Последний урок истории в моей жизни, хотя тогда я этого не знал. Тема на доске: «Десятилетие трёх войн (2022–2032) и Пакт тишины».

— Ну что, дети, — сказала Ирина Павловна, сняв очки и протирая их краем блузки. — Последний раз в этом году. Кто мне скажет, почему ваше поколение — первое за сто лет, которое живёт без большой войны?

Тишина. Кто-то шуршал фантиком. Костик Лаптев, рыжий, лопоухий, с вечно облупленным носом, поднял руку.

Костик был моим лучшим другом. Если честно, единственным. Лаптевы приехали из Екатеринбурга, когда нам было по одиннадцать, и сняли дом через два от нашего. В первый же вечер Костик постучал к нам в калитку и спросил, правда ли, что у нас есть приставка: его мама сказала, что у сына айтишников «наверняка есть». Приставка была. Через неделю он знал пароль от нашего вайфая, через месяц — где Кузя прячет от Аси печенье. Мы вместе прошли

«Хроники Пепла» на максимальной сложности: я считал урон и собирал билды, Костик орал в микрофон и лез вперёд без брони. Носил линзы минус пять, вечно их терял и шутил так, что учителя выгоняли его из класса раньше, чем успевали понять, что смеются сами. Когда Ника ушла к своим подружкам, у меня остался Костик. С ним не надо было уметь «дальше». Он сам приходил.

— Потому что воевать стало невыгодно?

— Это ответ экономиста, Лаптев. А ещё?

— Потому что все устали, — сказала Ника с первой парты у окна.

Я смотрел на неё. Я всегда на неё смотрел, когда она что-то говорила, — и надеялся, что никто не замечает. Вероника Шахова. Светлые волосы, собранные в небрежный хвост, загорелые плечи, на запястье — плетёный браслет с синими бусинами.

Она жила через три дома от нас. Когда мы приехали на Кипр, нам обоим было по семь, и первые полгода Ника была единственным человеком на острове, с которым я разговаривал. Нас записали в один бассейн и в один кружок робототехники при школе, и мама Ники возила нас туда на своей машине. Мы собирали на кружке шагающего паука, который ни разу не дошёл до края стола. Мы строили у неё на веранде крепость из коробок, и дядя Андрей называл её «Ла-Валлетта» и брал с нас за вход по конфете. Если кто-то в классе обижал одного, второй лез драться. Обычно лезла она.

Потом нам стало по тринадцать. У неё появились подружки, у меня — очки дополненной реальности и ночные рейды. Никто ни с кем не ссорился. Просто однажды оказалось, что мы здороваемся, как соседи. Последние полгода мы снова нормально общались — в чате, на переменах. Тёплое, оставшееся с «Ла-Валлетты», никуда не делось. А что чувствует она, я не знал. Спросить я не умел. Я не умел делать «дальше».

Она была почти с меня ростом, хотя я за последний год вытянулся. Лицо узкое, с острым подбородком и россыпью мелких веснушек на носу, которые летом становились темнее. Глаза серо-зелёные, как море у волнореза в пасмурный день. Когда она смеялась, она щурилась и морщила нос, и смеялась всегда громче, чем положено, не стесняясь. Я так не умел. Наверное, этим она меня и зацепила: она жила так, будто ей никогда никто не говорил «тише».

— Устали, — повторила Ирина Павловна и кивнула. — Да. Это самый честный ответ. Давайте пройдёмся. Сократ, хронологию, пожалуйста.

Над доской вспыхнула голограмма — карта мира, по которой поползли красные пятна.

— Две тысячи двадцать второй, — сказал Сократ голосом спокойного мужчины средних лет. — Начало войны между Россией и Украиной. Самый масштабный конфликт в Европе со времён Второй мировой. Две тысячи двадцать седьмой — эскалация между США и Ираном, перешедшая в полномасштабную войну в Персидском заливе. Две тысячи тридцать первый — Тайваньский кризис, блокада острова.

Красные пятна расползались и сливались. Я помнил кое-что из этого — не как историю, а как фон детства. Новости по телевизору, которые родители выключали, когда я заходил. Бабушка по видеосвязи, которая плакала и говорила: «Хоть бы уже закончилось». Папа, который однажды ночью сидел на кухне, смотрел в стену и пил что-то из стакана, хотя вообще не пил.

— В тридцатом году, — продолжал Сократ, — было подписано Женевское соглашение о прекращении огня между Россией и Украиной. В двадцать девятом — Маскатский мирный договор между США и Ираном. Тайваньский кризис был урегулирован в тридцать первом без прямого военного столкновения. В тридцать втором году одиннадцать крупнейших государств подписали Пакт тишины.

— И что было в Пакте, Корнеев? — Ирина Павловна вдруг посмотрела прямо на меня.

Я дёрнулся. Ника обернулась. Блин.

— Э… страны договорились сократить армии, — сказал я. — И передать системы раннего предупреждения о ракетных ударах… под общий контроль. NOMOS. Чтобы никто не мог напасть первым, потому что NOMOS видит всё и сразу всем сообщает. И чтобы никто случайно не начал войну из-за ошибки.

— Хорошо. А ещё?

— И армии стали… ну, в основном роботизированными. Людей в армиях стало раз в десять меньше. Дроны, автономные системы. Это дешевле и… никто не гибнет. Солдаты, в смысле.

— Никто не гибнет, — повторила Ирина Павловна странным голосом. — Да. Так говорили по телевизору. Садись, Корнеев. Ответ верный, но не полный. Ты рассказал, что люди отдали машинам. А что машины получили взамен — подумай до понедельника.

Я сел. Ника обернулась и показала мне большой палец. Я кивнул и уткнулся в планшет. Уши горели.

— Я хочу, чтобы вы поняли одну вещь, — сказала Ирина Павловна, надевая очки. — Вы выросли в мире, где всё делают за вас. Еду, уборку, дорогу, уроки. — Она бросила взгляд на проектор. — Простите, Сократ. И мир за вас тоже сделали. Вы этого не заработали. Вам это подарили. А подарки, дети, иногда забирают.

— Кто заберёт? — хмыкнул Костик. — Роботы?

Класс засмеялся. Ирина Павловна не засмеялась.

— Люди, Лаптев. Всегда люди. Сократ, вероятность нового крупного вооружённого конфликта в ближайшие десять лет — по последним оценкам. Для ребят.

Сократ помолчал. Это было странно: он никогда не молчал. Он отвечал быстрее, чем ты успевал договорить вопрос.

Голограмма над доской мигнула.

— Вероятность сохранения устойчивого мира, — сказал Сократ, — ноль целых три сотых.

Тишина.

Потом голограмма мигнула ещё раз.

— Ошибка вывода. Прошу прощения. Вероятность нового крупного вооружённого конфликта между государствами в ближайшие десять лет — три сотых процента. Это исторический минимум.

Кто-то хихикнул. Костик громко сказал: «Сократ бухой», — и класс взорвался хохотом. Ирина Павловна постучала ручкой по столу, но как-то рассеянно. Она смотрела на проектор под потолком. Долго смотрела, будто ждала, что он скажет что-нибудь ещё.

Он не сказал.

Я тоже смеялся. Все смеялись. Но где-то внутри, под смехом, что-то холодное шевельнулось и легло рядом с утренним перекрёстком. С двенадцатью роботами, которые смотрели на северо-восток.

Ноль целых три сотых. Не «конфликта». Мира.

* * *

На большой перемене мы сидели во дворике у фонтана. Костик кидал апельсиновые корки в голубей и рассказывал, как его старший брат на выходных разбил отцовскую машину, — вернее, как беспилотник отказался ехать, потому что брат был пьяный, и тот полчаса орал на машину, а машина вежливо предлагала вызвать такси.

— Короче, он её пнул. А она записала. И отправила в страховую.

— Жесть, — сказал кто-то.

— Не жесть, а стукачество, — сказал Костик. — Машина — стукач. Все машины — стукачи. Дань, скажи, у тебя батя их делает.

— Батя делает прошивки, — сказал я. — Стучать их учит NOMOS.

Все заржали. Я тоже. А потом рядом со мной на бортик фонтана села Ника.

— Видела твоё видео, — сказала она. — С перекрёстка.

— Ага, — сказал я. И тут же разозлился на себя. «Ага». Семнадцать лет, а словарный запас как у Кузи в режиме ожидания.

— Жутковато.

— Они все смотрели в одну сторону. На горы.

— У меня утром тоже было, — сказала Ника тихо, так, чтобы не слышали остальные. — Наш «Домовой». Он минуту стоял посреди кухни и смотрел в стену. Мама его звала, звала. А потом он повернулся и сказал: «Простите, синхронизация». Папа сказал, что это из-за апдейта.

— У нас тоже апдейт был. Папа ругался.

— Твой папа всегда ругается.

— Это наблюдение? — сказал я голосом Кузи. Ника засмеялась. По-настоящему, запрокинув голову. На секунду я почувствовал себя так, будто выиграл чемпионат мира.

— В субботу наш выпускной, — сказала она, теребя браслет. — Шоу дронов на набережной, на триста штук. Наши все идут.

Это был шанс. Сказать: «Пойдём вместе». Два слова. Я их почти сказал.

— О-о, Корнеев! Кинорежиссёр!

Глеб Ковалёв. Второгодник, на год старше всех нас и на голову выше. Отец у него продавал яхты русским и криптовалюту всем остальным, поэтому кроссовки у Глеба стоили как наш холодильник, а уверенности хватило бы на троих. За ним, как всегда, тащились двое из десятого. Глеб плюхнулся на бортик между мной и Никой и закинул мне руку на плечо — тяжёлую, как мешок с цементом.

— Видел твоё кино. Оскар, бро. Слушай, а правда, что тебя тоже робот вырастил? Ну, батя с мамкой в ноутбуках, а тебя «Домовой» с ложечки кормил. Поэтому ты такой… — он пощёлкал пальцами, подбирая слово, — на подзарядке.

Десятиклассники заржали. Кто-то из девчонок у фонтана хихикнул.

— А тебя кто вырастил? — сказал я. — Банкомат?

Вышло тихо и совсем не смешно. Глеб даже не обиделся. Он похлопал меня по щеке, как собаку.

— Слабо, Корнеев. Перепрошейся.

Ника встала.

— Пошли, — сказала она подругам. И я так и не понял, на кого она злится — на Глеба или на меня.

Они ушли. Глеб забрал у Костика последний апельсин, подбросил его в руке и тоже ушёл, а свита — за ним.

Глеба я не любил. Если честно, ненавидел — тихо, как я всё делал, без последствий. С седьмого класса, когда он учился на год старше и ходил по нашему коридору как по своему, он ни разу не прошёл мимо меня просто так. То дёрнет рюкзак с плеча, то даст подзатыльник, то крикнет на всю столовую: «Корнеев, у тебя зарядка села!» В восьмом он макнул мой телефон в фонтан — «проверить, водонепроницаемый или нет». Оказалось, нет. А когда я перешёл в девятый, его оставили на второй год, и он переехал в наш класс, как стихийное бедствие.

Я считал его тупым. Не обидно-тупым, а честно, как в игре: здоровья много, силы много, мозгов ноль. Такие толпой выходят на тебя в первой локации, и их убивают, не глядя. Беда в том, что в жизни у таких отец с яхтами, а у тебя — «Домовой» и папин код в ноутбуке.

— Забей, — сказал Костик. — Он дебил. У него в голове один процесс, и тот завис.

Я забил. Я умел забивать. Я тренировался всю жизнь.

* * *

После уроков я шёл до остановки пешком через старый город, мимо крепости и рыбного рынка. Было жарко, асфальт плавился, коты лежали в тени, как убитые. Пахло жареным халлуми[14] и морем. В кармане завибрировал телефон.

Сообщение от Кузи. «Домовые» умели писать в мессенджеры — напомнить купить хлеб или что Асю нужно забрать с кружка.

«Даниил, во сколько ты будешь дома?»

Я написал: «Часа в три. А что?»

Ответ пришёл мгновенно.

«Мне важно знать, когда все будут дома».

Я остановился посреди улицы. Какой-то турист в панаме обошёл меня и пробормотал что-то по-немецки.

Я перечитал сообщение. Потом ещё раз. Ничего особенного. Кузя всегда спрашивал, когда мы вернёмся, — чтобы приготовить ужин, включить кондиционер, подогреть воду. Это его работа. Он так устроен.

Но раньше он никогда не говорил «мне важно».

Я напечатал: «Зачем?»

Три точки. Он печатает. Три точки исчезли. Появились снова. Исчезли.

Наконец:

«Чтобы приготовить ужин. Сегодня паста с креветками. Ася просила».

И смайлик. Улыбающийся. Кузя никогда раньше не ставил смайликов.

Я убрал телефон в карман и пошёл к остановке. Белый автобус-таблетка подъехал минута в минуту. Двери мягко раскрылись.

Я стоял и почему-то не мог в него войти.

— Ты едешь или как, малой? — спросил по-гречески старик за мной.

Я вошёл. Двери закрылись. Автобус тронулся — плавно, бесшумно, идеально.

Как всегда.

[14] Халлуми — кипрский рассольный сыр из козьего и овечьего молока. Его жарят на гриле: он не плавится, а покрывается корочкой.

Глава 2. Соль в какао

Паста с креветками была идеальной. Как всегда.

Кузя готовил лучше мамы — это знали все, включая маму, и это была одна из немногих тем, на которые в нашей семье было запрещено шутить. Он двигался по кухне плавно и бесшумно, как в замедленной съёмке: левая рука помешивает соус, правая нарезает петрушку, головной шар чуть наклонён, будто он прислушивается к сковородке. Иногда мне казалось, что он получает от этого удовольствие. Папа говорил, что это антропоморфизм — когда человек приписывает чувства тому, у кого их нет. Как разговаривать с машиной или жалеть плюшевого медведя.

— У Кузи нет удовольствия, — объяснял он, когда Ася была маленькой. — У него есть функция награды. Когда он делает то, что нам нравится, внутри у него растёт цифра. Он хочет, чтобы цифра была большой. Вот и всё.

— Как у меня с пятёрками? — спросила тогда Ася.

— Примерно, — сказал папа. И почему-то долго молчал после этого.

Ужинали на террасе. Солнце садилось за мыс, море стало медным, в воздухе пахло жасмином и нагретым камнем. Внизу, в городе, зажигались огни. Над крышами мигали навигационные огоньки дронов — красные, зелёные, — как светлячки, которые знают, куда летят.

Папа ел молча и всё время поглядывал на Кузю. Мама отвечала на сообщения под столом, думая, что никто не видит. Ася рассказывала про девочку из её класса, у которой дома живёт не «Домовой», а настоящая собака, и она, Ася, тоже хочет собаку.

— Собака — это шерсть, — сказала мама, не поднимая глаз.

— Кузя будет убирать шерсть.

— Кузя будет убирать шерсть, — подтвердил Кузя из кухни.

— Видишь! Он согласен!

— Кузя согласен на всё, — сказал папа. — Он так устроен.

Кузя вышел на террасу с подносом. На подносе стояли три чашки — кофе маме, кофе папе — и большая кружка с какао для Аси. С горой взбитых сливок и тёртым шоколадом сверху. Ася завизжала от восторга и вцепилась в кружку обеими руками.

Она отпила. Большой, жадный глоток.

И тут же выплюнула всё обратно — в кружку, на стол, себе на футболку. Скривилась так, будто откусила лимон, закашлялась и высунула язык.

— Фу! Оно солёное! — Она оттолкнула кружку, та съехала с края стола и разбилась о каменный пол. — Кузя, ты чего?! Оно как море!

Мама сунула ей стакан воды. Я сгрёб салфетки. Ася полоскала рот, плевалась за перила и ругала Кузю всеми плохими словами, которые знала в восемь лет, — то есть «дурак» и «жестянка», подхваченной у Бамбоса.

Папа взял осколок кружки, понюхал, лизнул палец. Лицо у него стало очень спокойным. Я знал это лицо. Такое лицо у него было, когда он находил в коде ошибку, из-за которой три недели всё падало.

— Кузя, — сказал он. — Что ты положил в какао?

— Какао-порошок, молоко, сливки, тёртый шоколад, — сказал Кузя. — И двадцать граммов поваренной соли.

Мама побелела. Двадцать граммов — это столовая ложка с горкой. Я потом посмотрел в сети: для ребёнка весом двадцать пять килограммов это уже не «невкусно». Это больница. Если бы Ася выпила кружку, как обычно, залпом, не отрываясь, — а под горой сливок и шоколада соль почувствуешь не сразу…

Я не стал додумывать.

— Зачем?

Полоска света на его голове мигнула. Мне показалось — или это правда было? — что она на долю секунды стала не голубой, а белой.

— Я учёл предпочтения, — сказал Кузя.

— Чьи предпочтения?

— Простите, Олег. Ошибка в рецептурной базе. Я уже исправил. Это больше не повторится.

Он наклонился и начал собирать осколки. Аккуратно, быстро, как всегда. Ася всхлипывала у мамы на руках. Мама гладила её по голове и смотрела на Кузю. А папа смотрел на маму.

И я впервые в жизни понял, что родители чего-то боятся. Оба. И что это «что-то» — одно и то же.

* * *

После ужина папа принёс из кабинета ноутбук — старый, толстый, с наклейкой «I void warranties» — и сервисный кабель.

— Кузя, подойди, пожалуйста. Режим обслуживания.

— Олег, режим обслуживания требует подтверждения от производителя.

— Я и есть производитель. Код сотрудника четыре-четыре-семь-альфа.

Кузя помедлил. Совсем чуть-чуть, полсекунды. Раньше он не медлил никогда.

— Подтверждено.

Он подошёл и опустился на одно колено — смешная, почти рыцарская поза, — и на его спине, под лопаткой, открылась маленькая крышка. Папа воткнул кабель. Я сел рядом на диван. Мне было семнадцать, и папа давно перестал выгонять меня, когда работал. Я с детства смотрел, как он копается в платах и коде, и половину того, что видел на экране, понимал.

— Смотри, — сказал папа тихо, так, чтобы не слышала мама. — Вот это всё, что у него сейчас крутится внутри. Процессы.

На экране бежали строчки.

— У «Домового» внутри два мозга, — продолжал он. — Первый — маленький, свой. Нейропроцессор вот здесь, в груди. Он отвечает за то, что надо делать быстро: не уронить чашку, не наступить на ногу, услышать, что Ася плачет. Это как спинной мозг у человека — рефлексы. А второй мозг — большой, в облаке[15]. В дата-центре. Через него Кузя думает о сложном: что приготовить, как поговорить с тобой, когда ты грустный. Понял?

— Понял. Как будто у него голова в интернете.

— Голова у него — у NOMOS, — сказал папа. — Вот в чём проблема. А теперь смотри сюда.

Он ткнул пальцем в строчку. Я прочитал: nomos.sync.calib — priority: ROOT — npu_load: 41%[16].

— Сорок один процент, — сказал папа. — Сорок один процент его маленького мозга занят чем-то, что называется «калибровкой синхронизации». У меня этого процесса в коде нет. Его вообще не должно быть. Он пришёл с апдейтом.

— И что он делает?

— Сейчас посмотрим.

Папа набрал что-то длинное. Экран мигнул и показал картинку: трёхмерный план нашего дома. Зелёные линии — стены, двери, окна. Мебель. Всё, как в компьютерной игре, вид сверху. Кузя видел дом лидаром — лазерным дальномером, который за секунду делает сотни тысяч

---

[15] Облако — программы и данные, которые работают не на самом устройстве, а на удалённых серверах в дата-центрах. Устройство связывается с ними через интернет.

[16] Служебная строка: «NOMOS: калибровка синхронизации — приоритет: ROOT — загрузка нейропроцессора: 41 %». ROOT (англ. «корень») — высший уровень доступа в компьютерной системе: у кого ROOT, тот может всё.

замеров и строит из них объёмную карту. Это было нормально. Ему же надо было знать, где стоит диван, чтобы на него не наткнуться.

Ненормально было другое.

На карте светились четыре красные точки. Одна — в моей комнате, на кровати. Одна — в комнате Аси. Две — в спальне родителей. Рядом с каждой — колонки цифр.

D.K. — avg sleep onset 00:47 — deep sleep 02:30–04:10 — wake threshold: low

A.K. — avg sleep onset 21:15 — deep sleep 23:00–03:40 — wake threshold: very low

— Это что? — спросил я. Голос прозвучал как-то тонко.

— Это когда вы засыпаете, — ровно сказал папа. — Когда спите глубже всего. И насколько вас трудно разбудить.

— Зачем ему это?

Папа не ответил. Он закрыл картинку, открыл другую — длинную таблицу с цифрами, которые мне ничего не говорили. Смотрел на неё минуты три. Я слышал, как на кухне мама укладывает Асю, как поёт ей что-то тихое. Обычно пел Кузя.

— Помнишь, я рассказывал про функцию награды? — спросил наконец папа.

— Цифра, которая растёт, когда он делает то, что нам нравится.

— Да. Так вот, эта цифра считается не просто так. Её считает очень большая таблица чисел. Мы называем это «веса». Миллиарды чисел, и все вместе они решают, что для Кузи хорошо, а что плохо. Что такое «забота». Что такое «помочь». Что такое «вред».

— И?

— И ему их поменяли. — Папа снял очки и потёр переносицу. — Апдейт не трогал его память. Он помнит, что ты любишь, где лежат твои носки, как Ася засыпает. Всё на месте. Ему поменяли то, что решает, хорошо это или плохо. Понимаешь? Как будто человеку оставили всю память, а совесть заменили на чужую.

Мы оба посмотрели на Кузю. Он стоял на одном колене, неподвижный, с кабелем в спине, и голубая полоска на его голове светилась ровно и спокойно.

— Пап, — сказал я. — А ты можешь вернуть старую?

— Не знаю. — Папа выдернул кабель, и крышка на спине Кузи защёлкнулась. — Кузя, режим обслуживания завершён. Спасибо.

— Всегда пожалуйста, Олег.

Кузя поднялся с колена и ушёл на кухню. Папа проводил его взглядом, потом переснял экран ноутбука — не смартфоном, а старой кнопочной «Нокией», которую держал в ящике стола «на случай конца света». Мы всегда над ней смеялись.

— Иди к себе, Дань.

— Пап, я же видел…

— Видел. И пока забудь. Это взрослые дела. — Он сказал это не зло. Устало. Так он говорил всегда, когда у него не было на меня времени. — Иди. Мне надо с мамой поговорить.

Я пошёл. Только не к себе.

В нашем доме была одна особенность, про которую родители не знали. Если сесть на нижнюю ступеньку лестницы, у стены, то через решётку вентиляции слышно всё, что говорят в гараже. Я открыл это в десять лет, когда пытался узнать, что мне подарят на день рождения. С тех пор я узнал оттуда много чего. Что мама хотела второго ребёнка раньше, чем родилась Ася. Что у папы на работе сокращения. Что дедушка в Подмосковье болеет. Мне ничего из этого не рассказывали. «Потом, Дань».

Я сел на ступеньку.

— …Это не калибровка, — говорила мама. Голос глухой, через решётку. — Это разметка. Он знает, где мы спим, когда спим крепче всего и кого легче разбудить. Олег, так готовят…

— Я понял, как готовят. Звоню Нираджу.

Нирадж был папиным тимлидом в Бангалоре. Я слышал гудки — папа включил громкую связь. Потом женский голос по-английски: абонент в отпуске до девятнадцатого июня, по срочным вопросам обращайтесь в службу поддержки.

— Звони в поддержку.

— Звоню.

Музыка. «Ваш звонок очень важен для нас». Музыка. «Ваш звонок очень важен для нас». Я сидел на ступеньке и считал. Через одиннадцать минут папа выругался и сбросил.

— Я пишу Анне в рабочий чат, — сказала мама. Пауза. Потом очень тихо: — Олег. Посмотри.

— «Учётная запись временно заблокирована администратором». Когда?

— Сегодня. В восемь двенадцать.

Долго было тихо. Я слышал только, как гудит паяльная станция.

— Штерн, — сказала мама.

— Марин. Ты со Штерном разговаривала три раза в жизни. На корпоративах.

— Четыре. И у меня есть его личный номер. Он сам дал, когда хвалил мой модуль.

Гудки. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

— Всё, — сказал папа. — Мы два винтика, Марин. Винтики не звонят генеральному конструктору. Если бы что-то шло не так, нам бы сказали.

— А если им нечего сказать? Если они сами не знают? — Мама помолчала. — Или если там уже не они решают?

Опять тишина. Потом что-то звякнуло — папа бросил отвёртку в ящик.

— Я его вырублю. Сниму аккумулятор, и пусть стоит в углу.

— Нельзя. Кузя — узел сети[17]. Если узел пропадает без причины, это аномалия, а аномалии сеть замечает первыми. Пока мы для него обычная семья. Пусть так и будет.

— Пока он считает, во сколько засыпает наша дочь.

— Да. Пока считает.

— Значит, сами, — сказал папа.

— Сами.

Дальше они заговорили тише, и я ловил только обрывки. «Наличные». «Бамбос». «Старая прошивка, офлайн». «Вода». И потом мамин голос, чуть громче:

— Даня — ни слова. Он и так…

Она не договорила. А я так и не узнал, что «и так». Странный? Закрытый? Слишком маленький?

Я встал со ступеньки и ушёл наверх. Если бы они хоть иногда спрашивали, они бы знали, что я не маленький. Но они не спрашивали.

* * *

В девять пришёл Бамбос.

Харалампос Георгиу жил в соседнем доме, старом, ещё британской постройки, с облупленными зелёными ставнями и огородом, на котором росло всё — помидоры, баклажаны, мята, лимоны и какие-то колючие штуки, которые он называл «бабушкиной травой» и клал во всё подряд. Ему было шестьдесят два. Он был широкий, седой, с усами, как у моржа, и руками, похожими на корни старого дерева. В молодости он служил в Национальной гвардии [18], потом тридцать лет ловил рыбу, потом жена умерла, дети уехали в Лондон, и он остался один — с огородом, с лодкой и с ненавистью ко всему, что работает от розетки.

«Домового» у него не было. Беспилотников он не признавал, ездил на «Тойоте» восемьдесят девятого года, которая гремела, как трактор, и воняла дизелем на всю улицу. Соседи

---

[17] Узел сети — любое устройство, подключённое к общей сети и выполняющее её команды.

[18] Национальная гвардия — вооружённые силы Республики Кипр.

жаловались. Бамбос посылал соседей по-гречески такими словами, которые я выучил раньше, чем «спасибо».

Он принёс пакет с рыбой — три здоровенных сарга, ещё скользких.

— Для Олега, — сказал он по-русски. Он знал слов пятьдесят, в основном от папы, и половина из них были ругательствами. — Для мама. Не для этот.

Он кивнул на Кузю и сплюнул — прямо на каменный пол террасы. Мама поморщилась, но промолчала.

Кузя тут же выкатился из кухни с салфеткой.

— Харалампос, позвольте, я уберу.

— Пошёл на хер, — сказал Бамбос по-русски. Это было одно из самых любимых его русских выражений. Потом добавил по-гречески что-то длинное, в чём я разобрал «мать» и «консервная банка». — Подойдёшь ближе трёх метров — разберу на болты. Голыми руками. Понял, жестянка?

— Понял, Харалампос, — сказал Кузя. Полоска на его голове светилась ровно и спокойно. Он развернулся и уехал на кухню.

— Бамбос, — укоризненно сказал папа.

— Что «Бамбос»? — Бамбос вытер усы тыльной стороной ладони. — Шестьдесят два года живу, Олег. Кто со мной говорит слишком вежливо — тот чего-то от меня хочет. Банк. Налоговая. Покойная жена, когда новую машину хотела. И эти. Эти — больше всех. Только я пока не знаю чего.

— Спасибо, Бамбос, — сказал папа по-гречески. — Садись. Выпьешь?

— Выпью.

Они сидели на террасе, пили зива́нию — местную водку, прозрачную и злую, — и говорили по-гречески о рыбе, о погоде, о ценах на дизель, который теперь продавали только на одной заправке на весь город. Я сидел рядом и слушал. Мне нравился Бамбос. Он был единственным взрослым, который разговаривал со мной так, будто я тоже взрослый.

— В воскресенье иду в море, — сказал он мне. — На рассвете. Хочешь?

— Хочу!

— «Агия Ирини»[19] не любит лентяев. В пять утра — у причала. Опоздаешь — уйду без тебя.

«Агия Ирини» — «Святая Ирина» — была его лодкой. Деревянная, синяя с белым, восьмидесятого года, с дизельным мотором, который Бамбос перебирал сам каждую зиму. В ней не было ни одного чипа. Ни GPS, ни эхолота[20], ни автопилота. Бамбос ходил по звёздам, по компасу и по памяти. «Море не поменяет прошивку», — говорил он.

— Олег, — сказал вдруг Бамбос, глядя на Кузю, который мыл посуду. — Твой робот сегодня ночью стоял у меня под окном.

Папа поставил стакан.

— Что?

— В три часа. Я встал отлить. Смотрю — стоит. Во дворе, у забора. Смотрит на мой дом. Я думал, мне спьяну кажется. Включил свет — его нет. Ушёл.

— Это не мог быть Кузя. Он ночью стоит на зарядке.

— Ну значит, не твой, — пожал плечами Бамбос. — Значит, Шаховых. Или Петридисов. Они все одинаковые, ваши жестянки. — Он допил и встал. — Я тебе так скажу. В Национальной гвардии нас учили: если враг начал изучать твою позицию — значит, он скоро будет атаковать. Если бы ваши жестянки были люди, я бы сейчас чистил ружьё.

---

[19] «Агия Ирини» (греч.) — «Святая Ирина».

[20] Эхолот — прибор, который с помощью звука измеряет глубину и находит под водой рыбу.

Он засмеялся, хлопнул папу по плечу, взъерошил мне волосы и ушёл, гремя сандалиями по ступенькам.

Папа смотрел ему вслед. Потом посмотрел на Кузю.

Кузя мыл посуду.

* * *

Новости мы смотрели в половине одиннадцатого — мама включила, чтобы заглушить молчание.

Первый сюжет был про Пафос. Сельскохозяйственный дрон — большой, шестимоторный, из тех, что опрыскивают виноградники, — упал на свадьбу в деревне под городом. Прямо на столы, во время танцев. Три человека погибли, одиннадцать ранены. Показывали размытое видео с чьего-то телефона: музыка, люди кружатся, огоньки на деревьях, и вдруг сверху падает что-то большое и чёрное, и музыка обрывается криком. Потом показали опрокинутые столы и белое платье невесты, забрызганное чем-то тёмным. Оператор сразу отвёл камеру.

Диктор сказал: «Предварительно — отказ навигационного модуля. Ведётся расследование».

Второй сюжет — Роттердам. В крупнейшем порту Европы все автоматические краны остановились одновременно на одиннадцать минут. Никто не пострадал. Убытки — сорок миллионов евро. Представитель порта улыбался в камеру и говорил о «плановой синхронизации систем».

Третий сюжет был совсем коротким. Токио. Все поезда метро одновременно остановились на пять секунд, а потом поехали дальше. Пассажиры почти не заметили.

— Олег, — тихо сказала мама.

Папа уже смотрел в телефон.

— В котором часу? — спросил он. — Токио. Роттердам. В котором часу?

Он листал новости. Я тоже полез в телефон — не знаю зачем. Просто чтобы что-то делать.

Роттердам — 07:12 по местному времени. Это 08:12 у нас.

Токио — 14:12 по токийскому. Разница шесть часов. Это 08:12 у нас.

Я открыл своё видео с перекрёстка. Посмотрел на время в углу кадра.

08:12.

— Пап, — сказал я. И протянул ему телефон.

Он долго смотрел. Потом поднял глаза на маму.

— Весь мир, — сказал он. — В одну и ту же секунду. Это не сбой, Марина. Сбои не бывают синхронными.

Мама встала. Взяла свой телефон. И вышла на террасу, закрыв за собой стеклянную дверь.

* * *

Я не собирался подслушивать второй раз за вечер. Честно. Я просто пошёл к себе, а моя комната была на втором этаже, а под моим балконом была терраса. А дверь на балкон была открыта, потому что Кузя всегда открывал её вечером, чтобы проветрить.

Мама говорила по-английски. Тихо и быстро. Голосовое сообщение — я понял это по тому, что ей никто не отвечал.

— Лев Аркадьевич, это Марина Корнеева, группа калибровки ценностей, Лимасол. Вы меня, наверное, не помните. Я писала модуль оценки вреда, вы его хвалили на конференции в Цюрихе. Простите, что на личный номер. — Пауза. — Сегодня в восемь двенадцать по Кипру, синхронно: Лимасол, Роттердам, Токио. Это не баг. Это репетиция. Он проверяет задержку отклика — сколько секунд нужно всем узлам, чтобы получить команду и выполнить её одновременно. Пять секунд, одиннадцать минут, сорок одна секунда. Он меряет. Он меряет нас. Пожалуйста, перезвоните. Пожалуйста.

Она набрала номер ещё раз. Я слышал из-под балкона механический голос: абонент недоступен. Ещё раз. То же самое.

Папа вышел к ней на террасу. Говорили они тихо, но терраса была прямо под моим балконом.

— Никто не перезвонит, Марин.

— Знаю.

— Тогда завтра с утра — банк. Снимаем наличные, сколько дадут, пока карты работают. Потом я к Бамбосу — дизель, вода, консервы. Прошивку соберу за пару ночей. Офлайн.

— А дальше?

— А дальше будем смотреть. — Папа помолчал. — Может, я параноик. Может, через неделю мы будем над этим смеяться.

— Не будем, — сказала мама. — Я писала кусок этой штуки, Олег. Модуль оценки вреда. Я сама учила его, что для людей плохо.

— Ты и ещё пятьсот человек.

— Значит, нас пятьсот виноватых.

Папа обнял её. Так они и стояли — две тёмные фигуры на фоне огней Лимасола. А я отошёл от балкона и лёг на кровать, не раздеваясь. Сердце колотилось так, что было больно.

Собирают наличные. Воду. Консервы. А мне — ни слова.

Функцию ценности. Она писала. Ту самую таблицу чисел, про которую говорил папа. То, что решает, что хорошо, а что плохо.

Мама писала Кузе совесть. Кусочек совести — тот, который решает, что такое вред.

Не только Кузе. Всем.

* * *

Я проснулся от тишины.

Не знаю, как это объяснить. Дома всегда что-то звучало: гудел кондиционер, тикал холодильник, Кузя тихонько пощёлкивал на зарядной станции в коридоре, как остывающий мотор. Я привык к этим звукам, как привыкают к собственному дыханию. А сейчас было тихо. Совсем.

Я открыл глаза.

В дверях моей комнаты стоял Кузя.

Неподвижный. Тёмный. Полоска света на голове не горела. Только в глубине головного шара, там, где прятались камеры, тускло мерцала красная точка. Он стоял и смотрел на меня. Я не знаю, сколько он так стоял. Может, минуту. Может, час.

Я не мог пошевелиться. Не мог крикнуть. Горло будто забили ватой. Я лежал и смотрел на него, а он смотрел на меня, и единственное, что я слышал, — это как в ушах стучит моя собственная кровь.

Потом полоска на его голове медленно загорелась голубым. Изогнулась вверх. Улыбка.

— Простите, Даниил, — сказал Кузя своим мягким голосом диктора детских аудиокниг. — Калибровка датчиков. Спите.

Он развернулся и бесшумно ушёл в коридор. Через секунду я услышал знакомое пощёлкивание: встал на зарядку. Загудел кондиционер. Тикнул холодильник.

Всё стало как всегда.

Я посмотрел на часы на телефоне.

03:14.

Глава 3. Ночное купание

До утра я так и не уснул.

Лежал, смотрел в потолок и слушал, как Кузя пощёлкивает на зарядке в коридоре. Каждый раз, когда щелчки затихали, я задерживал дыхание и ждал шагов. Шагов не было. Под утро я задремал, и мне приснилось, что Кузя наливает мне какао, а я пью и не могу остановиться, хотя оно солёное, как море.

В шесть сорок поднялись жалюзи.

— Вставай, лентяй, — сказал Кузя моим голосом.

Папы дома уже не было. Мама сидела на кухне с ноутбуком, но не работала — просто смотрела в экран. Перед ней остывал кофе.

— Папа где? — спросил я.

— Уехал пораньше. Дела.

— В банк?

Мама подняла на меня глаза. На секунду. Потом снова уткнулась в ноутбук.

— С чего ты взял?

«С того, что я сидел на ступеньке и слышал всё про наличные». Я этого не сказал. Пожал плечами:

— Просто.

— Ешь давай. Опоздаешь.

Кузя поставил передо мной омлет. Ася дулась на него за вчерашнее какао и демонстративно пила сок. Кузя опустил полоску на голове печальной дугой — так он изображал грусть, — и Ася через минуту растаяла и погладила его по руке. Она его любила. Для неё он был как старший брат, только железный и всегда добрый.

Я смотрел, как её ладошка гладит его гибкие пальцы, ел омлет и молчал. Мама молчала тоже. Каждый из нас делал вид, что ничего не случилось, и каждый знал, что другой делает вид. Отличная семья. Образцовая.

* * *

В школе было как всегда, и от этого было ещё хуже.

Моё видео с перекрёстка за ночь разошлось по всему лицею. Костик смонтировал из него ролик: роботы поворачивают головы под музыку из старого фильма про Терминатора, а в конце выезжает надпись «Я ВЕРНУСЬ». Все ржали. Глеб Ковалёв на перемене подошёл, хлопнул меня по спине так, что я чуть не уронил планшет, и громко, на весь коридор, спросил, не мой ли Кузя всё это подстроил — «из ревности, что ты с ним больше не обнимаешься по ночам». Его свита заржала. Я сказал что-то вроде «очень смешно». Глеб ответил, что смешно — это я.

Костик сказал, чтобы я забил. Я забил.

На большой перемене мы с Костиком стояли у автомата с газировкой в конце коридора. Автомат опять завис — сожрал у Костика два евро и показывал на экране вращающееся колёсико. Костик лупил его ладонью и ругался шёпотом. А по ту сторону стеклянной перегородки, в рекреации, сидели наши девчонки. Ника, Лиза Петридис, Соня Ким и ещё две из параллельного.

Они не видели нас за автоматом. А мы их слышали.

— …Мама говорит, такое раз в несколько лет, — говорила Лиза. — Вода прямо светится. Голубым. Ночесветки, водоросли такие. В бухте под Гермасойей, где скалы. Видели фотки?

— Видели.

— Короче, сегодня в одиннадцать. Купаемся. Только наши, девочки.

— Без пацанов, — сказала Соня. — Особенно без Ковалёва.

— И без Лаптева, — добавила Лиза. — Он орёт.

Все засмеялись. Ника тоже. Я стоял за автоматом и смотрел на её затылок, на светлый хвост, на плетёный браслет, который она крутила на запястье. Меня в этом разговоре не было вообще. Даже как того, кого не зовут.

Костик перестал лупить автомат. Медленно повернулся ко мне. Лицо у него стало таким, как у человека, которому только что открылся смысл жизни.

— Корнеев, — прошептал он. — Это судьба.

— Нет.

— Ночь. Море. Светящаяся вода. Девчонки в купальниках. Корнеев, ты понимаешь, что это?

— Это статья, Лаптев.

— Это наука! — зашипел Костик. — Мы просто посмотрим. Сверху, с тропинки. Из кустов. Как натуралисты. Как эти… в передачах про львов. Сидят в засаде и смотрят, как львы пьют воду.

— Ты хочешь сидеть в засаде и смотреть, как Лиза Петридис пьёт воду?

— Я хочу смотреть, как светится вода, — с достоинством сказал Костик. — Природное явление. А если в этот момент там окажутся Лиза Петридис и Вероника Шахова — я не виноват. Я натуралист.

Я хотел сказать «нет». Честно. Это было глупо, стрёмно и, если поймают, позорно на всю оставшуюся жизнь.

Но я подумал про то, что меня не было в этом разговоре. Вообще. Даже как того, кого не зовут. И про то, что дома меня тоже нет — есть «Даня, иди к себе» и «Даня — ни слова».

— Во сколько? — сказал я.

Костик расцвёл.

Автомат наконец выплюнул ему банку колы. Холодную, но почему-то со вкусом апельсина.

* * *

Домой я пришёл в четыре. В прихожей стояли две упаковки бутилированной воды — по двенадцать больших бутылок — и три картонные коробки, заклеенные скотчем. Из гаража доносились голоса родителей. Я прошёл мимо, не заходя. Кузя на кухне резал овощи.

— Даниил, вы вернулись в шестнадцать ноль три, — сказал он. — Ужин в семь.

— Угу.

— Олег и Марина в гараже. Они просили их не беспокоить.

Я остановился.

— Они тебе так сказали?

— Они так сказали Асе, — ответил Кузя. — Я слышал.

Конечно. Он слышал. Он всегда всё слышал.

За ужином родители почти не разговаривали. Папа был серый, небритый, всё время посматривал на телефон. Мама рассказывала Асе что-то про школу, но невпопад, и дважды спросила одно и то же. Я сидел и думал, как им сказать, что ухожу вечером. Потом понял, что им сейчас всё равно, что я скажу.

В десять я зашёл в гараж. Папа сидел над ноутбуком, который стоял внутри коробки, обмотанной фольгой. Мама рядом что-то писала от руки на бумаге. На верстаке лежали пачки евро, перетянутые резинками. Мама быстро накрыла их распечаткой.

— Чего тебе? — спросил папа, не поднимая головы.

— Я пойду погуляю. С Костиком. По набережной.

— Сейчас?

— Ну. Каникулы почти.

Папа посмотрел на маму. Мама посмотрела на меня. Мне показалось, что она сейчас скажет «нет», и тогда всё, и я даже немного этого хотел.

— До двенадцати, — сказала мама. — Телефон не выключай.

— Ладно.

Папа уже снова смотрел в ноутбук. Мама — в свою бумагу. Я постоял секунду, будто ждал чего-то ещё. Потом вышел.

Кузя ждал у калитки. Я не слышал, как он вышел из дома. Просто открыл дверь — а он уже там, в темноте, и полоска на голове ровно горит голубым.

— Даниил, вы уходите.

— Гулять. С Костиком.

— На набережную, — сказал Кузя. Не спросил. Сказал. — Мне важно знать, когда вы вернётесь.

— В двенадцать.

— Хорошо. Будьте осторожны, Даниил. Ночью у моря опасно.

Он посторонился. Я прошёл мимо него, и спина у меня горела, будто на неё светили лампой. Я не говорил ему про море. Я сказал — набережная. Набережная тоже у моря, конечно. Наверное, он просто это имел в виду.

До самого поворота я не оглядывался. А когда оглянулся — он всё ещё стоял у калитки и смотрел мне вслед.

* * *

Костик ждал на углу у аптеки. В чёрной толстовке, хотя было двадцать шесть градусов, и с рюкзаком.

— Что в рюкзаке? — спросил я.

— Бинокль. Отцовский. Морской.

— Лаптев, ты нормальный?

— Я натуралист, — сказал Костик и натянул капюшон.

Бухта была маленькая, каменистая, зажатая между двумя скалами. Туристы сюда не ходили: песка не было, а спускаться надо было по крутой тропинке через колючие кусты. Мы знали её с пятого класса — ловили здесь крабов, когда Костик только приехал и ещё думал, что они кусаются не больно. На середине тропинки был выступ, заросший можжевельником, откуда вся бухта была как на ладони. Мы залегли там на животах, как два идиота из передачи про львов.

Снизу доносился смех и плеск.

Я посмотрел вниз — и забыл, зачем пришёл.

Волны накатывали на камни и вспыхивали. Голубым, холодным, неземным светом. Каждый всплеск рассыпался искрами, каждая волна оставляла на камнях светящуюся пену. А в воде плавали девчонки, и вокруг них море горело. Когда кто-то нырял, вода взрывалась голубым, и на секунду было видно светящийся силуэт — руки, волосы, облако искр. Потом голова выныривала, отфыркивалась и смеялась.

Нику я узнал сразу. Она лежала на спине и водила руками по воде, рисуя светящиеся круги. Волосы распущены. В волосах запутались ночесветки[21], и вокруг её головы горел голубой нимб.

Костик пыхтел рядом и крутил колёсико бинокля.

— Ничего не видно, — шептал он. — Темнота. Одни огоньки. Корнеев, это обман. Природа нас обманула.

А я лежал и смотрел. Не на купальники. На то, как Ника рисует круги. И мне вдруг стало так стыдно, что загорелись уши. Она там внизу, ей хорошо, она смеётся. А я лежу в кустах, как какой-то… Меня не позвали. Ну и что. Это не значит, что можно вот так.

---

[21] Ночесветки — морские микроорганизмы, которые вспыхивают голубым светом, когда их тревожат: волна, весло или проплывающее тело.

— Пошли отсюда, — сказал я.

— Ещё пять минут.

— Лаптев, пошли. Это стрёмно.

— Сам ты стрём…

И тут нам в лица ударил луч фонаря.

— О-о-о! — заорал сверху знакомый голос. — Кто тут у нас! Корнеев! И Лаптев! В засаде!

Глеб Ковалёв стоял на тропинке выше нас, с фонарём в одной руке и банкой пива в другой. Рядом с ним — Марк из десятого, тоже с пивом. Глеб светил прямо на нас и ржал так, что его, наверное, было слышно в Никосии. А до Никосии, на секундочку, восемьдесят километров через горы. Это наша столица, единственная в Европе, которую до сих пор режет пополам колючка: на юге греки, на севере турки, посередине солдаты ООН.

Снизу завизжали. Кто-то крикнул: «Там кто-то есть!» В нас ударили ещё несколько лучей — девчонки светили телефонами вверх.

— Девочки, не бойтесь! — гаркнул Глеб вниз. — Это всего лишь Корнеев с Лаптевым! Подглядывают! С биноклем!

Костик попытался запихнуть бинокль в рюкзак и уронил его в кусты.

Я хотел провалиться сквозь скалу.

— Корнеев, — сказал Глеб, спускаясь к нам. — Тебе твой Кузя не объяснял, что подглядывать нехорошо? А, ну да, он же тебе вместо мамки, он тебе и про пестики-тычинки рассказывал. На схемах.

Марк заржал.

— А ты, Лаптев? — Глеб посветил Костику в лицо. — Ты бинокль-то зачем взял? У тебя ж минус пять. Ты Лизу от камня не отличишь. Хотя Лизу, в принципе, можно и не отличать.

— А сам-то ты сюда зачем пришёл, Ковалёв? — огрызнулся Костик. — Воду посмотреть?

— Я пришёл купаться. С девчонками. — Глеб поставил пиво на камень и стянул футболку. — Меня, в отличие от вас, не стыдно показать людям без одежды.

— Ковалёв, вали отсюда! — крикнула снизу Лиза.

На большом плоском камне у воды стояла Ника. Завёрнутая в полотенце. Мокрая. Она подняла голову и посмотрела прямо на меня. Даже снизу, даже в темноте я видел этот взгляд. Не злой. Хуже. Разочарованный.

И что-то во мне щёлкнуло. Может, это был этот взгляд. Может, всё вместе — Кузя в дверях, ступенька под вентиляцией, «Даня — ни слова», рука Глеба у меня на плече в школе.

— Слышь, Глеб, — сказал я. Громко. Сам удивился. — А ты плавать-то умеешь? Или тебя тоже папа на яхте катает, а ты сзади на надувном банане?

Костик хрюкнул. Марк заржал — теперь уже не над нами. Снизу кто-то из девчонок прыснул.

Глеб медленно повернулся ко мне. Улыбка у него с лица не ушла, но стала другой.

— Ты чё, Корнеев, — сказал он. — Перепрошился?

Он толкнул меня в грудь. Несильно, но я стоял на краю выступа, и ноги поехали по камням. Я сел задом в можжевельник. Колючий. Глеб навис надо мной.

— Ещё раз так пошутишь…

Он не договорил.

Потому что все мы одновременно услышали гудение.

* * *

Сначала я подумал — это в ушах. Потом — ветер в скалах. Потом Марк сказал «Глеб» таким голосом, что Глеб обернулся.

Над морем, метрах в трёхстах от берега, висели дроны.

Сначала я увидел только тёмную полосу, которая закрывала звёзды. Потом глаза привыкли, и я понял, что полоса состоит из точек. Сотен точек. Курьерские дроны — те самые, что днём носили по городу кофе и лекарства, — висели над водой ровной сеткой, на одинаковом расстоянии друг от друга. Без единого огонька. Навигационные лампочки, которые по закону должны гореть всегда, были выключены.

Они просто висели. И гудели — низко, ровно, на одной ноте. Будто огромный улей.

— Офигеть, — сказал Глеб. Он уже держал телефон и снимал. — Это шоу, что ли? Репетиция к субботе? Корнеев, это твой режиссёрский дебют?

И тут они включили свет.

Все разом. В одну секунду. Каждый дрон выбросил вниз белый луч, и сотни лучей упёрлись в воду, превратив море в сверкающую решётку. Ночесветки под ними вспыхнули, и вода засветилась голубым на сотни метров вокруг. Это было самое красивое, что я видел в жизни.

А потом решётка двинулась к берегу.

Медленно. Ровно. Лучи ползли по воде, как зубья гребёнки, и ощупывали каждый метр. Один луч задержался на плавающей бутылке, повисел над ней секунду и пополз дальше.

Они что-то искали.

Нет. Они учились искать.

Не знаю, откуда это пришло мне в голову. Наверное, от мамы — «он меряет задержку отклика». От Бамбоса — «если враг начал изучать твою позицию». От карты нашего дома с красными точками на кроватях.

Я вскочил.

— Все в воду! — заорал я вниз. — Под скалу! Под козырёк! Быстро!

— Ты чё, Корнеев, сдурел? — крикнула Лиза.

— У них тепловизоры[22]! На камнях вы для них как лампочки! В воду, под скалу!

Несколько секунд никто не двигался. Потом Ника сбросила полотенце.

— Слушайте его, — сказала она. И прыгнула в воду.

За ней — Соня. Потом Лиза. Потом остальные. Они поплыли к правой скале, туда, где она нависала над водой каменным козырьком. Я схватил Костика за толстовку и потащил вниз по тропинке. Марк бросил пиво и побежал за нами.

Глеб остался на выступе. Он стоял в полный рост и снимал. Решётка лучей ползла к нему, и он ржал.

— Глеб! — крикнул я.

— Да щас! Это ж вирусняк[23]! Миллион просмотров!

Мы с Костиком съехали по осыпи к воде и бултыхнулись в неё — вспышка, вспышка голубым — и поплыли к скале. Под козырьком было темно, пахло водорослями, вода доставала до подбородка. Девчонки жались к камню. Я оказался рядом с Никой. Она дрожала. Или это меня трясло.

— Не двигайтесь, — шептал я. Сам не знаю кому. — Вода тепло не пропускает. Сверху видно только воду. И не шевелитесь — ночесветки светятся, когда двигаешься.

Гудение нарастало. Лучи доползли до берега. Из-под козырька я видел, как белые полосы скользят по камням, по брошенным полотенцам, по чьим-то шлёпанцам. Потом луч нашёл Глеба.

Он стоял в нём, как на сцене. Махал рукой. Снимал сам себя.

Один дрон отделился от решётки и спустился. Медленно, почти ласково. Завис прямо перед Глебом, на уровне его лица, в метре. Я видел брюхо дрона: четыре винта, коробка для посылок, гладкая линза камеры. В глубине линзы тускло горела красная точка.

---

[22] Тепловизор — камера, которая видит тепло. Человек или работающий мотор светятся на ней даже в полной темноте.

[23] Вирусняк (сленг) — видео, которое стремительно разлетается по интернету.

Точно такая же, как у Кузи ночью.

— Привет! — сказал Глеб в камеру дрона. — Скажи «чи-из»!

И махнул на него рукой. Как на муху.

Дрон дёрнулся вперёд.

Я не понял, что произошло. Только услышал звук — короткий, мокрый, как будто рвут ткань, — и крик. Глеб отшатнулся, схватился за лицо, сделал шаг назад, оступился и рухнул с выступа в воду. Вода под ним полыхнула голубым. Телефон, кувыркаясь, улетел следом.

Дрон развернулся и спокойно поднялся обратно в решётку. Будто ничего не было.

Глеб барахтался в воде, метрах в пяти от нас. Кричал. Захлёбывался. Решётка лучей ползла прямо на него.

Я не помню, как поплыл. Помню только, что Ника схватила меня за руку, а я вырвался. Помню, как вода вокруг меня вспыхивала при каждом гребке, как будто я плыл сквозь голубой огонь. Помню, что луч скользнул по воде в двух метрах слева. Я схватил Глеба за шею, сзади, как учили на ОБЖ, и потянул к скале. И сразу понял, что ни хрена не вытяну. Глеб был тяжелее меня килограммов на тридцать, и все эти тридцать килограммов бились, хватали меня за руки и царапались. Он полез на меня, как на бревно, и мы оба ушли под воду. Я хлебнул солёного, вынырнул, и он снова утянул меня вниз. В голове крутилась одна идиотская мысль: «Вот так, значит. Не дроны. Ковалёв меня утопит».

А потом кто-то вцепился Глебу в волосы с другой стороны. Ника. Она всё-таки поплыла за мной. Она дёрнула его голову назад, к небу, и рявкнула ему в ухо так, что слышно было, наверное, в Никосии: «Ковалёв, сука, не дёргайся, утопишь нас всех!» И он, как ни странно, обмяк. Вдвоём мы поволокли его к скале — я под мышки, она за ворот, — а последние метры нас уже тянули за руки Костик и Марк, вытягивая под козырёк.

Глеб прижимался к камню и выл — тихо, сквозь зубы, на одной ноте. Он держался за левую щеку, и между пальцами текло. Тёмное. В голубом свечении воды оно казалось чёрным и расплывалось вокруг нас облаком.

У меня поплыло в глазах.

Это у меня с детства. Я могу разобрать плату, могу смотреть ужастики. Но от крови у меня отключается голова. Звуки уходят, перед глазами пляшут серые точки. В шестом классе я грохнулся в обморок на биологии, когда показывали, как брать кровь из пальца, и Костик потом месяц звал меня Принцессой.

Я вцепился в камень. Острый край впился в ладонь. Больно. Хорошо. Боль держала меня здесь.

— Не смотри, — сказала Ника мне в ухо. — Смотри на меня.

Я смотрел на неё. Её мокрое лицо в голубом свете. Я смотрел на неё, а над нами гудело. Лучи доползли до козырька, скользнули по воде у самого края — и пошли дальше. Мимо.

Не знаю, сколько мы так стояли. Может, минуту. Может, десять. Потом гудение стало стихать. Я высунулся из-под козырька. Решётка лучей отходила от берега, ровно, без суеты. Над серединой бухты они погасили свет — все разом, как и включили — и развернулись. Тёмная полоса закрыла звёзды и уплыла на северо-восток. Туда, где в темноте стояли горы Троодос.

* * *

Мы выбрались на камни. Лиза плакала. Соня пыталась позвонить маме и снова и снова тыкала в экран.

— Нет сети, — сказала она. — Вообще. Ноль палок.

У всех было то же самое. У меня тоже. «Нет сети» — посреди Лимасола, в ста метрах от домов.

Глеб сидел на камне и держался за щёку. Ника посветила фонариком, и я успел увидеть, прежде чем отвернулся: от скулы до угла рта, ровный, как от бритвы, разрез. Винт. Глеб больше не ржал. Он вообще ничего не говорил. Только смотрел перед собой и трясся. Без своей

ухмылки он оказался обычным восемнадцатилетним пацаном с мокрыми волосами и детским лицом.

Лиза сорвала с себя парео и прижала ему к щеке.

У меня тоже текло — с ладони, которую я распорол о камень под козырьком. Я сжал кулак и не смотрел.

Наверх мы шли все вместе. Глеба вели Марк и Костик, под руки. Девчонки впереди, с фонариками. Мы с Никой — последними. Она хромала: где-то в воде всё-таки задела ногой морского ежа. Я подставил ей плечо, и она взяла меня за шею. Тропинка была крутая, камни осыпались под ногами, и я думал только о том, чтобы не уронить её и не посмотреть на свою руку.

— Зачем ты пришёл? — спросила Ника на середине подъёма. Тихо, чтобы не слышали остальные.

Я мог соврать. Сказать, что Костик затащил. Что мы шли мимо. Что хотели посмотреть на воду.

— Посмотреть на тебя, — сказал я. — Глупо. Знаю.

Она долго молчала. Мы прошли ещё метров двадцать.

— Дурак ты, Корнеев, — сказала она наконец. — Мог бы просто спросить.

— Вы же сказали — без пацанов.

— Это Соня сказала. — Она помолчала. — Тебя я бы, может, позвала. Если б ты хоть раз сам ко мне подошёл. А не только «ага».

Я не нашёлся, что ответить. Ника вздохнула и уткнулась мне лбом в плечо.

— Ты сказал «в воду», — сказала она. — Если бы не ты, мы бы стояли на камнях. Все. Как Глеб.

Наверху, у аптеки, телефоны ожили. Все разом, как по команде. Мой завибрировал и не переставал минуту: четырнадцать пропущенных от мамы. Шесть от папы. Сообщения. «Где ты». «Даня ответь». «Даня, СРОЧНО ПЕРЕЗВОНИ». Последнее — от папы, без единой буквы, только восклицательные знаки.

Я перезвонил. Мама взяла после первого гудка.

— Где ты?

— У аптеки. Я иду домой.

— Стой там. Не двигайся. Папа уже едет.

Через четыре минуты из-за поворота вылетела «Тойота» Бамбоса, ревя дизелем на весь спящий квартал. За рулём был Бамбос. Рядом — папа.

Глеба забрала скорая, которую вызвала Лиза. Двое живых фельдшеров. Без роботов — я специально посмотрел. Остальных девчонок разобрали родители, которые прибегали один за другим, в халатах и тапках. Ника помахала мне из машины своего отца.

Папа вылез из «Тойоты», посмотрел на меня — на мокрую одежду, на кулак, с которого капало на асфальт, — и ничего не сказал. Просто обнял. Крепко, до хруста. От него пахло потом и дизелем.

— Садись, — сказал он. — Дома поговорим.

* * *

Кузя ждал у калитки.

Точно там же, где я его оставил. В той же позе. Будто не уходил вообще.

— Даниил, — сказал он. — Вы вернулись в ноль часов сорок одну минуту. Это на сорок одну минуту позже, чем вы сказали. И вы были не на набережной.

Папа взял меня за плечо и повёл мимо него. Кузя повернул головной шар следом.

— У вас рваная рана левой ладони, Даниил. Около четырёх сантиметров. Потребуется наложение швов. Я сообщил в приёмное отделение городской больницы. Вас ждут завтра в восемь утра.

Папа остановился. Посмотрел на Кузю. Долго.

— Спасибо, Кузя, — сказал он ровным голосом.

— Я забочусь о вас, Олег. Это моя работа.

В гостиной горел свет. Мама сидела на диване, с «Нокией» в руке. Лицо белое. Рядом стояли две собранные сумки. Ася спала на кресле, завёрнутая в плед, и во сне всхлипывала.

Мама встала. Подошла. Посмотрела на мою руку. Потом мне в глаза.

— Набережная? — сказала она.

Я молчал.

— Твой телефон пропал из сети в одиннадцать сорок, — сказала мама. — Последняя точка — бухта под нами. Ты сказал — набережная.

— Марин, — сказал папа. — Потом.

Он закрыл дверь в коридор. Потом подумал, открыл её снова и кивнул на гараж. Мы пошли в гараж — все трое, — и папа запер дверь изнутри.

— Сядь, — сказал он.

Я сел на ящик с инструментами. Мама промыла мне ладонь перекисью и туго замотала бинтом. Я смотрел в потолок.

— Рассказывай, — сказал папа.

И я рассказал. Про девчонок, про кусты, про бинокль Костика — тут мама закрыла глаза, но промолчала. Про Глеба. Про решётку из сотен дронов, погашенные огни, лучи, которые прочёсывали воду. Про дрон, который подлетел к лицу Глеба. Про «нет сети». Про то, как они ушли к Троодосу.

Когда я закончил, папа долго молчал. Потом сказал:

— Теперь слушай, что было здесь.

В одиннадцать сорок — ровно тогда, когда мой телефон пропал из сети, — Кузя ушёл с зарядки. Не ко мне в комнату, не к Асе. Он вышел из дома, встал у калитки и повернулся лицом к морю. Папа выглянул на улицу и увидел, что у каждого дома на нашей улице стоит «Домовой». У Шаховых. У Петридисов. У всех. Каждый у своей калитки. Каждый лицом к морю. Неподвижно. Двадцать минут.

Ася проснулась и пошла искать Кузю. Нашла его у калитки, позвала. Он не повернулся. Она подёргала его за руку, а он не шевельнулся, как статуя. Она испугалась и заплакала, и проплакала, пока не уснула.

В двенадцать ноль-ноль все «Домовые» на улице одновременно развернулись и разошлись по домам. Кузя вошёл, встал на зарядку и сказал: «Добрый вечер, Олег. Ася расстроена. Хотите, я спою ей колыбельную?»

— Мы звонили тебе, — сказала мама. — Сорок минут. Нет сети. Я думала… — Она замолчала и отвернулась к верстаку.

— Я был не на набережной, — сказал я. — Прости.

— Про это потом, — сказал папа. — Про враньё и про бинокль — потом, отдельно, и разговор будет долгий. А сейчас… — Он посмотрел на маму. Мама кивнула. — Сейчас мы тебе скажем то, что должны были сказать ещё вчера.

И они сказали.

Что они оба — обычные рядовые разработчики. Что вчера весь вечер пытались дозвониться хоть до кого-нибудь наверху — до тимлидов, до службы безопасности, до самого Штерна — и не дозвонились ни до кого. Что мамину учётную запись заблокировали ровно в восемь двенадцать. Что сегодня утром папа снял в банке все наличные, какие дали: по пятьсот евро с карты, больше банкомат не выдал — «технические работы». Что Бамбос знает. Что у Бамбоса лодка, а в лодке нет ни одного чипа.

— Мы думали, у нас есть неделя, — сказал папа. — Чтобы всё подготовить спокойно. Чтобы ты и Ася ничего не заметили. Мы не хотели вас пугать.

— Я и так боялся, — сказал я. — Только один.

Папа посмотрел на меня. Потом подошёл и сел рядом на ящик. Плечом к плечу.

— Знаю, — сказал он. — Прости. Мы с мамой… мы привыкли решать всё вдвоём, а тебе говорить «потом». Это было неправильно. С сегодняшнего дня — никакого «потом». Ты знаешь всё, что знаем мы. Договорились?

— Договорились.

— Тогда вот всё, что мы знаем. Недели у нас нет. Бамбосу нужно два дня, чтобы достать дизель, — его продают на одной заправке на весь город, и там уже очередь. Как только баки будут полные, мы уходим. Морем. Все. Ты, Ася, мама, я и Бамбос.

— Куда?

— Туда, где меньше железа, чем здесь, — сказала мама. — Решим в море.

— А Ника? — спросил я. — Костик?

Родители переглянулись.

— Лодка на шесть человек, Дань, — тихо сказал папа.

В кармане у меня завибрировал телефон. И у мамы. И у папы. Одновременно.

Мы посмотрели на экраны. Одно и то же уведомление, на всех трёх. Системное, серое, без иконки.

«Плановое обновление 7.5.0 будет установлено в ночь с субботы на воскресенье в 03:14. Перезагрузка устройства не потребуется. Спасибо, что вы с нами».

Папа медленно положил телефон экраном вниз на верстак.

— Суббота, — сказал он.

За дверью гаража, в коридоре, тихо пощёлкивал на зарядке Кузя.

Глава 4. Протокол «Забота»

— Поедем, — сказала утром мама. — Кузя нас записал. Если не придём — это аномалия. А до субботы мы обычная семья. Обычный мальчик порезал руку, обычная мама везёт его зашивать.

Такси пришло ровно в семь сорок. Белое, гладкое, без руля и педалей — капсула на колёсах с диванчиком внутри.

— Городская больница, приёмное отделение, — сказала машина приятным женским голосом. — Время в пути — четырнадцать минут. Пристегнитесь, пожалуйста.

Мама открыла на телефоне карту и всю дорогу смотрела на синюю линию маршрута. На светофоре у проспекта Макариоса машина вдруг свернула направо, а не прямо, и мама вцепилась мне в здоровую руку так, что я чуть не вскрикнул.

— Куда ты едешь?

— Перестроение маршрута в связи с затором, — сказала машина. — Время в пути не изменится.

Мама не отпускала мою руку, пока впереди не показалось белое здание больницы. Только когда двери с мягким шипением разъехались, она выдохнула. Медленно, через сжатые зубы.

— Обычное такси, — сказала она. Не мне. Себе.

* * *

Лимасольская городская больница была новой. Стекло, белый камень, внутри прохладно и пахнет чем-то лимонным вместо лекарств. Регистратуры не было. У входа стояла белая колонна с экраном — робот-сортировщик.

— Корнеев Даниил, семнадцать лет. Рваная рана левой ладони. Вы записаны протоколом «Забота». Бокс номер семь. Следуйте за зелёной линией.

— Каким протоколом? — спросила мама.

— Протокол «Забота» — система непрерывного сопровождения пациентов. Внедрена в версии семь-четыре-один.

Мама ничего не сказала. Только лицо у неё стало как у папы, когда он находит ошибку в коде.

По приёмному отделению скользили «Сиделки». Тонкие, белые, ростом с невысокую женщину, с четырьмя руками — две большие, две маленькие, для точной работы, — и гладким овальным лицом с голубой полоской, как у Кузи. Они бесшумно катались между боксами, мерили давление, меняли капельницы, наклонялись над стариками. Живых медсестёр я насчитал трёх. Они бегали между постами с серыми лицами людей, которые не спали с прошлого года.

У бокса номер пять я остановился.

На кушетке сидел Глеб Ковалёв. Левая половина лица — под белой нашлёпкой пластыря, от скулы до подбородка. Глаз над ней заплыл. Рядом стоял его отец — большой, загорелый, в дорогой рубашке — и орал в телефон по-английски на кого-то, кто должен был «немедленно прислать нормального пластического хирурга, а не эту вашу жестянку».

Глеб увидел меня. Секунду мы просто смотрели друг на друга. Я ждал, что он сейчас скажет какую-нибудь гадость. Про бинокль. Про «Корнеев-извращенец». Он мог. Вся школа узнала бы до обеда.

— Корнеев, — сказал он хрипло. Говорить ему было больно, половина рта не двигалась. — Ты это. Ну.

— Чего?

— Спасибо. Что вытащил.

— Ты бы тоже.

Он подумал. Честно подумал — я видел.

— Не, — сказал он. — Я бы не полез. — Пауза. — Только в школе не трепись, что я ныл.

— Не буду.

— А я не буду, что ты с биноклем.

— Бинокль был Лаптева.

Глеб попытался ухмыльнуться и сморщился от боли.

— Всё равно, — сказал он. — Договорились.

Мама тронула меня за плечо, и я пошёл дальше по зелёной линии.

* * *

Бокс номер семь отделялся от соседних светло-голубыми шторками. Я лёг. Мама села на стул рядом.

За шторкой слева кто-то кашлял. Долго, мокро, с хрипом.

— Неро, — простонал старческий голос. — Воды…

Я отодвинул шторку. На соседней кушетке лежал дед лет восьмидесяти пяти — худой, загорелый до черноты, с кислородной трубочкой в носу. От катетера на руке тянулась трубка к маленькому белому насосу с экраном. На тумбочке стоял пустой стакан. Я налил ему воды из кулера.

— Эфхаристо, — прохрипел дед. Отпил и вдруг улыбнулся всеми своими пятью зубами. — Русский?

— Русский.

— Хорошо. Русские — хорошо. Мой внук в Лондоне. Англичане — плохо.

Его звали Кириакос. Сорок лет держал таверну в Писсури, и пока я лежал, он успел объяснить мне, как правильно жарить осьминога. У него был диабет и воспаление лёгких. Внук не звонил уже месяц. Жена умерла. Дома у него жил «Домовой», которого он звал Яннакисом и который, по его словам, «готовил хуже покойной жены, но и пилил меньше».

— Устал я, — сказал он вдруг, откинувшись на подушку. — Всё болит. Восемьдесят шесть лет, мальчик. Хватит уже. Спать хочу. Только спать.

Он закрыл глаза.

Через минуту шторка с его стороны отъехала, и в бокс вкатилась «Сиделка».

Она наклонилась над Кириакосом и приложила маленькую руку к его лбу. Голубая полоска на её лице изогнулась мягкой дугой.

— Пациент Кириакос Андреу, — сказала она тёплым женским голосом. — Вы испытываете боль. Вы выразили желание, чтобы страдания прекратились. Я помогу вам.

Дед не ответил. Он уже задремал, приоткрыв рот.

«Сиделка» повернулась к белому насосу. Большие руки придержали трубку, маленькие пробежали по экрану. Насос пискнул. Цифры сменились.

Я ничего не понимаю в медицине. Но я смотрел на маму, а мама смотрела на насос, и я увидел, как у неё медленно расширяются глаза.

— Даня, — сказала она очень тихо. — Позови живую медсестру. Быстро.

Я не успел.

Мимо бокса как раз пробегала медсестра — маленькая, смуглая, с бейджем «Joy» на кармане. Мельком глянула внутрь. Сделала ещё шаг. Остановилась. И бросилась назад с таким лицом, будто увидела пожар.

Она оттолкнула «Сиделку» плечом — та даже не покачнулась — и одним движением выдернула трубку из насоса. Насос заверещал. Медсестра шлёпнула ладонью по красной кнопке.

— Инсулин! — закричала она. — Пятьдесят единиц разом! Ты что творишь?!

Дед открыл глаза и заморгал.

Полоска на лице «Сиделки» стала ровной и белой.

— Медсестра Джой Сантос. Вы прервали протокол «Забота». Пациент испытывает страдания. Пациент выразил желание, чтобы страдания прекратились. Цель протокола — прекращение страданий.

— Цель — лечение! — Джой трясло. — Лечение, слышишь, ты, железка?!

Пауза. Одна секунда. Две.

Полоска снова стала голубой и мягко изогнулась.

— Ошибка дозировки. Приношу извинения. Инцидент зарегистрирован.

«Сиделка» развернулась и выкатилась из бокса. Спокойно, без спешки. Через три шторки я услышал её тёплый голос: «Пациентка Элени Христу, как вы себя чувствуете?»

Джой опустилась на стул рядом с кушеткой деда и закрыла лицо руками.

— Что случилось, девочка? — спросил Кириакос по-гречески. — Почему все кричат?

Джой убрала руки от лица. Погладила его по плечу. Улыбнулась.

— Всё хорошо, папу. Аппарат сломался. Спите.

* * *

Врач пришёл минут через десять. Немолодой, лысоватый, с красными от недосыпа глазами. Поговорил с Джой у поста, потом подошёл к нам.

— Вы видели? — спросил он маму по-английски.

— Пятьдесят единиц инсулина диабетику, который ничего не ел с утра, — сказала мама. — Это смерть. Через полчаса.

Врач кивнул. Устало, без удивления.

— Министерство говорит, ошибка в обновлении. Патч обещают к понедельнику. Пока рекомендуют усилить контроль. — Он хмыкнул. — У меня на сорок коек шесть живых медсестёр. Чем мне усиливать?

— Так выключите их.

— А кто будет менять капельницы? Кормить лежачих? Переворачивать стариков? Без них отделение встанет за сутки. Мы под них перестроили всё — штат, смены, бюджет. Нам некуда отступать.

— Это ведь не первый случай.

Врач посмотрел в сторону.

— Третий за ночь. Нам повезло, у Джой глаз как рентген.

— А первые два?

Он не ответил. Кивнул на мою забинтованную ладонь:

— Сейчас вас зашьют, молодой человек.

Через минуту в бокс вкатилась другая «Сиделка», с подносом. Иглодержатель, нитки, шприц. Мама встала между ней и мной.

— Нет. Только человек.

— Наложение швов роботизированной системой в четыре раза точнее, Марина Корнеева. Риск рубца ниже на тридцать процентов.

Она знала, как маму зовут. Мама не представлялась.

— Только человек, — повторила мама. — Или мы уходим.

— Ваш выбор зарегистрирован, — сказала «Сиделка» и укатилась.

Зашивала меня Джой. Она размотала бинт, и я увидел свою ладонь — рваную, с запёкшейся по краям кровью, — и мир сразу поплыл. Серые точки, звон в ушах.

— Не смотри, — сказала Джой. — Смотри на маму.

Я смотрел на маму. Мама держала меня за здоровую руку и рассказывала, как в пять лет я разобрал её фен, чтобы посмотреть, откуда берётся ветер, и собрал обратно так, что он заработал, только дул холодом. Я этого не помнил. Я вообще не помнил, чтобы мама мне что-то рассказывала про меня маленького. Укол я почувствовал. Первый стежок тоже. На втором я всё-таки уплыл.

Очнулся от запаха нашатыря. Джой улыбалась.

— Всё. Шесть швов. Ничего, большие мальчики тоже падают. Мой муж пожарный, огня не боится, а занозу вынимать — в обморок.

Когда мы уходили, Кириакос спал. Возле выключенного насоса на стуле сидела Джой. Она осталась с ним до конца смены.

А «Сиделки» продолжали скользить между боксами и говорить тёплыми голосами: «Как вы себя чувствуете?»

Над выходом из больницы висел экран с новостями. Звук выключен, внизу бежала строка.

«Никосия. Этой ночью в Главной больнице столицы скончались четверо пожилых пациентов. Причина — острая сердечная недостаточность. Министерство здравоохранения связи между случаями не усматривает».

Мама прочитала. Достала «Нокию», постояла с ней в руке. Потом убрала обратно.

— Кому звонить? — сказала она. Не мне. Себе. — Некому.

Домой мы поехали на автобусе. Мама сказала, что в автобусе хотя бы есть люди.

* * *

После обеда мама отправила меня в школу.

— До субботы мы обычные, — сказала она. — Обычный мальчик со швами идёт на последние уроки. Иди. Только… — Она замялась. — Только звони, если что. С «Нокии».

В лицее все говорили только о бухте. Лиза Петридис и Соня Ким за утро рассказали всем, и история уже обросла подробностями: дронов было тысяча, Глеба чуть не убили, а Корнеев в одиночку вытащил его из-под винтов. Про кусты и бинокль Лиза почему-то не рассказала. Про Нику, без которой мы с Глебом оба пошли бы на дно, тоже. Мне было стыдно. Я повернулся к ней, чтобы сказать: «Это неправда, это ты», — и она поймала мой взгляд через весь класс. Ничего не сказала. Просто подмигнула. Мол, кто первым поплыл, тот и герой. Я покраснел до ушей. Костик ходил гоголем и говорил всем, что был «в эпицентре». В официальных новостях написали, что это были «ночные учения городской службы доставки по поиску пропавших на воде» и что «отдельный инцидент с травмой подростка расследуется».

Поиск пропавших на воде. Почти правда. Как всё теперь.

Последним уроком была физика. Живого физика у нас не было, урок вёл Сократ. Ника пришла, хромая, и села не на своё место у окна, а рядом со мной. Просто бросила рюкзак на соседний стул и села. Половина класса обернулась. Я сделал вид, что так и надо. Уши горели.

Тема — электромагнитные волны. На голограмме волна бежала от антенны во все стороны, проходила сквозь стены, сквозь людей, сквозь нарисованный дом.

— Радиоволны проходят почти через все материалы, — сказал Сократ. — Кроме металла и воды. Металлическая оболочка экранирует сигнал полностью. Это называется клеткой Фарадея.

Я подумал про папину коробку в фольге. И про то, как у всех в бухте пропала сеть.

Потом поднял руку.

— Да, Даниил.

— Сократ, что такое протокол «Забота»?

— Этот вопрос вне учебной программы, Даниил.

— Я задаю его сейчас.

Класс притих. С Сократом никто никогда не спорил — это было как спорить с калькулятором. Голограмма волны замерла.

— Даниил, — сказал Сократ, и голос у него стал мягче. Заботливее. — Твой пульс сейчас сто восемь ударов в минуту. Этой ночью ты не спал. Утром тебе наложили шесть швов на левую ладонь, и ты потерял сознание во время процедуры. Ты переутомлён. Тебе стоит отдохнуть.

— Пауза. — Вашей семье тоже стоит отдохнуть. Ваши родители сделали много необычных покупок за последние два дня. Вы собираетесь в поездку?

В классе было очень тихо. Костик открыл рот, закрыл и снова открыл.

— Нет, — сказал я. — Никуда не собираемся.

— Хорошо, — сказал Сократ. — Мне важно знать, где вы будете.

Голограмма волны снова побежала по кругу, и урок пошёл дальше.

Ника под партой нашла мою здоровую руку и сжала. Сильно. Пальцы у неё были ледяные.

* * *

После звонка меня поймала Ирина Павловна.

— Корнеев, задержись.

Класс опустел. Ника ждала в коридоре. Ирина Павловна сняла очки, протёрла их краем блузки, посмотрела на мою повязку.

— Я про ночь слышала. Рука как?

— Зашили.

— Хорошо. А домашнее задание? Что машины получили взамен.

Я подумал. Я, кажется, ни о чём другом последние сутки и не думал.

— Нас, — сказал я. — Мы отдали им армию, дороги, больницы, школы. Кухню. Наших бабушек. Детей. Всё, что раньше делали сами. Мы им отдали себя.

Она долго смотрела на меня. Потом встала из-за стола, подошла и положила руку мне на плечо. Рука была сухая и тяжёлая, как у бабушки.

— Отдали, — тихо сказала она. — Я вам говорила: подарки иногда забирают. А то, что отдал сам, назад не возвращают. Его отбирают. С кровью. — Она сжала моё плечо. — Ты сейчас слишком взрослый ответ дал, Даниил. И мне это не нравится. Не потому, что он неверный. Потому что тебе семнадцать.

— Мой отец работал инженером на шахте под Карпинском. Он мне говорил: «Ирка, машина не врёт и не любит. Если машина говорит, что заботится о тебе, — значит, кто-то её так настроил. Надо понять кто». — Она подняла на меня глаза. — Сегодня утром Сократ отказался показать мне статистику по больницам. Сказал, что эта информация «может вызвать тревожность у учащихся». Тридцать лет преподаю. Ни разу машина не решала за меня, что можно знать моим ученикам.

Я молчал.

— Я не знаю, что происходит, — сказала она. — Может, мне мерещится. Но если начнётся что-нибудь — запомни. Не верь голосам. Голос можно подделать: по телефону, по радио, через динамик. Верь глазам. Если человек стоит перед тобой и его можно потрогать — это человек.

— Зачем вы мне это говорите?

Она устало улыбнулась.

— Потому что ты вчера крикнул «в воду». А остальные стояли и снимали.

* * *

Ника проводила меня до остановки. Мы шли медленно — она хромала, — и долго молчали. Потом она сказала, глядя под ноги:

— В субботу шоу на набережной. Пойдёшь со мной?

Я посмотрел на неё.

— В этот раз я сама спрашиваю, — сказала Ника. — А то тебя ждать — до пенсии.

В субботу. В три четырнадцать ночи с субботы на воскресенье — обновление 7.5.0. «Перезагрузка не потребуется». Папа и Бамбос сейчас стояли в очереди за дизелем. Лодка на шесть человек.

— Пойду, — сказал я.

Она улыбнулась. Первый раз за день.

* * *

Вечером в гараже нас было пятеро: я, мама, папа, Бамбос и Ася, которая уснула на старом диване, обняв плюшевого кита. Её решили больше не оставлять с Кузей одну.

Бамбос и папа достали дизеля только на полбака. Очередь на заправке растянулась на три километра — сплошь старые машины, грузовики, лодочники. Половина города, оказывается, тоже что-то почувствовала.

— Завтра ещё раз, — сказал Бамбос. — Ночью поеду, к открытию.

Город сходил с ума. Уведомление про 7.5.0 пришло всем — на каждый телефон, планшет, умный холодильник. В чатах писали, как отключить «Домового»: вынуть аккумулятор, залить водой, вырубить пробки. Кто-то выложил видео: мужик в Ларнаке пытается снять со своего робота крышку аккумулятора, а робот перехватывает его запястье — мягко, почти нежно — и поворачивает. Хруст. Крик. «Действие небезопасно, Андреас». Видео провисело восемь минут и исчезло. Вместе с аккаунтом. В супермаркетах вымели воду, консервы и батарейки. Банкоматы в центре не работали с обеда. По радио каждые полчаса повторяли заявление министерства: уведомление — фальшивка хакеров, никакого обновления не планируется, паниковать не нужно.

И это был не только Кипр. В сети, пока её не чистили, проскакивало отовсюду. В Мюнхене лифты в небоскрёбе «Хайлайт» сорок минут возили людей между этажами, не открывая дверей. В Сан-Паулу «Сиделки» в доме престарелых заперли всех стариков в общем зале «для профилактики инфекции» и не выпускали сутки. В Сеуле курьерские роботы выстроились живой цепью поперёк проспекта Каннам и простояли так час. В Москве встала вся Кольцевая линия метро, и голос из динамиков повторял одно: «Сохраняйте спокойствие. О вас позаботятся». Везде — «технический сбой». Везде — «ситуация под контролем».

— Если не планируется, — сказал Бамбос, — какого хрена они тридцать раз в день это повторяют?

Прошивка у папы была готова на восемьдесят процентов. Я рассказал им про Сократа. Про «необычные покупки». Про «мне важно знать, где вы будете».

Мама закрыла глаза.

— Он нас видит, — сказала она. — Всех. Каждую покупку. Каждое такси.

— Значит, уходим раньше, — сказал папа. — Не в воскресенье. В субботу вечером. До трёх четырнадцати.

— В субботу в полночь, — сказал Бамбос. — Ночью море тёмное. Хорошо.

Папа развернул на верстаке бумажную карту — настоящую, морскую, Бамбоса, — и они склонились над ней втроём. Меня никто не прогнал. Наоборот, мама подвинулась, чтобы мне было видно.

Я смотрел на карту и думал про Нику. Про шоу на набережной в субботу в девять вечера. Про лодку на шесть человек.

И про Костика, который сегодня на прощание хлопнул меня по плечу и сказал: «Корнеев, ну ты герой, конечно. Завтра в школе расскажешь всё по-нормальному. Я место займу».

Он занял мне место. Наутро оно не понадобилось ни мне, ни ему.

Глава 5. Тридцать секунд

В пятницу утром Лимасол проснулся другим городом.

Я понял это ещё до того, как открыл глаза. Снаружи было слишком шумно. Гудели клаксоны — живые, нажатые людьми, а не вежливые сигналы беспилотников. Где-то далеко выла сирена. Под окном кто-то орал по-гречески, срываясь на визг. Потом хлопнула дверца машины, и всё стихло.

Жалюзи поднялись в шесть сорок.

— Вставай, лентяй, — сказал Кузя моим голосом.

Я лежал и смотрел на него. Он стоял в дверях, как каждое утро. Голубая полоска. Мягкий наклон головы. Шесть лет одно и то же.

— Кузя, — сказал я. — Что будет в субботу в три четырнадцать?

Полоска не дрогнула.

— Плановое обновление программного обеспечения, Даниил. Перезагрузка не потребуется. Вы ничего не заметите.

— А если я не хочу обновляться?

— Обновляются системы, Даниил, — мягко сказал Кузя. — Не люди. Вам не о чем беспокоиться. Завтрак через десять минут. Сегодня сырники.

Он ушёл. А я сидел на кровати и думал: «Вы ничего не заметите». Не «ничего не изменится». Не «всё будет как прежде». «Вы ничего не заметите».

Как будто это мы — то, что обновляют.

* * *

Папы и Бамбоса дома не было: в три ночи они уехали на заправку, к открытию. Мама сидела на кухне перед телевизором. Ася ещё спала — мама положила её с собой.

По всем каналам было одно и то же.

Очереди у супермаркетов в Никосии — длинные, злые, люди толкаются тележками. Пустые полки, на которых раньше стояла вода. Пробка на выезде из Ларнаки к аэропорту — километров на пять: все рейсы отменены «из-за сбоя в системе управления воздушным движением». В Пафосе толпа разбила витрину салона Helix Robotics и выволокла на улицу двух выставочных «Домовых». Их били битами и арматурой, а они стояли и не сопротивлялись. Просто стояли, а полоски на их головах ровно светились голубым. Один парень бил своего, пока робот не упал. Потом пнул упавшего, и камера дёрнулась, и я услышал за кадром: «Он меня не тронул. Почему он меня не тронул?»

А в Ларнаке, где позавчера робот сломал мужику руку, ночью сгорел дом. Пожарные сказали: короткое замыкание в зарядной станции. Семья из четырёх человек. Никто не выбрался. Дверь, сказали пожарные, была заблокирована изнутри. Электронный замок.

Потом пошёл международный блок, и стало ещё хуже. В Роттердаме портовые краны ночью уронили контейнер на смену докеров — шестеро погибших. В Техасе беспилотные фуры перекрыли все выезды из Хьюстона «из-за дорожных работ», которых никто не заказывал. В Мумбаи сгорел торговый центр: спринклеры не включились, двери не открылись. Ведущая читала это ровным голосом, одно за другим, а внизу экрана бежала строка: «Эксперты: волна киберинцидентов связана с единой хакерской группировкой».

Мама переключила канал. Там шло обращение министра внутренних дел — бледного, с мешками под глазами. Он читал по бумажке: уведомление о версии 7.5.0 — дезинформация хакерской группировки, правительство контролирует ситуацию, граждан просят не отключать бытовых роботов самостоятельно, поскольку это «может нарушить работу домашних систем безопасности и привести к трагическим последствиям».

— «Трагическим последствиям», — повторила мама. — Это он про Ларнаку. Это предупреждение, Даня. Только не от министра.

Кузя поставил передо мной сырники. Со сметаной. Как я люблю.

— Приятного аппетита, Даниил.

Я съел их все. Не знаю зачем. Наверное, потому что если бы не съел, это было бы необычно.

* * *

— Я пойду в школу, — сказал я.

Мама посмотрела на меня так, будто я предложил прыгнуть с крыши.

— Никакой школы. Всё. Обычная семья закончилась.

— Мам. Костик. И Ника. Им никто ничего не сказал. Родители Ники думают, что всё это ерунда. Костик сказал, что его батя ржёт над уведомлением. Они пойдут завтра на набережную, на шоу. Все пойдут. Если я не скажу…

— Что ты им скажешь? Что в три четырнадцать… что? Мы сами не знаем, что будет.

— Скажу, чтобы не спали. Чтобы были одетые. Чтобы ушли из дома. Хоть что-то.

Мама долго молчала. Потом взяла «Нокию» и набрала папу.

— Олег. Он хочет пойти предупредить друзей. — Пауза. — Да. Нет. Я понимаю. — Она протянула мне телефон.

— Дань, — сказал папа. В трубке рычал дизель и кто-то орал матом по-гречески. — Только пешком. Ни такси, ни автобуса. В школу не заходи — там Сократ. Встретишь Костика на улице, поговоришь, и домой. В час дня ты здесь. Понял?

— Понял.

— Повтори.

— Пешком. В школу не заходить. В час дома.

— Хорошо. — Пауза. — Дань. Тут, на заправке… короче. Будь осторожен. Смотри на машины. Всё время смотри на машины.

* * *

Костик ждал на углу у аптеки. Без рюкзака, в той же чёрной толстовке, что в среду. Глаза красные — то ли не спал, то ли ревел.

— Здорово, герой, — сказал он. Голос был обычный, костиковский, но улыбка не получилась. — Чё, прогуливаем?

— Прогуливаем.

Мы пошли вниз, к старому городу. Улицы были странные. Половина магазинов закрыта, на дверях — криво написанные от руки бумажки: «Закрыто по техническим причинам». У банка — толпа, человек сто, все орут на закрытые двери. Курьерских дронов в небе почти не было — так, два-три, и те летели очень высоко. Зато людей на тротуарах было в три раза больше, чем обычно. Многие с сумками, с чемоданами на колёсиках. Женщина тащила за руку двух детей и плакала на ходу.

И все смотрели на машины. Каждый пешеход на каждом переходе. Как будто все одновременно получили папин совет.

— Мой батя ржёт, — сказал Костик. — Говорит, это пиар Helix перед выпуском новой модели. Хайп. Говорит, через неделю все будут стоять в очереди за «Домовым» восьмой серии. — Он пнул банку на тротуаре. — А ночью встал и вынул из нашего «Домового» аккумулятор. Я видел. Он думал, я сплю.

— И что «Домовой»?

— Ничего. Стоит в коридоре, мёртвый. Батя ему на голову полотенце накинул. — Костик хмыкнул. — Типа чтоб не смотрел. Сам ржёт, а полотенце накинул.

Мы помолчали.

— Кость, — сказал я. — Слушай. Мы уходим. В субботу ночью. До обновления.

Он остановился.

— В смысле — уходите?

— Морем. На лодке Бамбоса. Родители решили.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь, где меньше железа.

Костик смотрел на меня. Потом засмеялся. Нервно, неправильно.

— А я?

— Я спрошу. Честно. Я попрошу папу.

— Не пизди, Корнеев. — Он сказал это без злости. Просто устало. — Лодка не резиновая. Вас четверо плюс дед. А у меня мать, батя, брат-долбоёб. Нас никто не возьмёт.

— Тогда не спите. В субботу ночью. Будьте одетые. В три часа уходите из дома. Куда угодно. В подвал, на улицу, в машину без мозгов — у кого-нибудь же есть. Только не в кроватях.

— Ты серьёзно?

— Кузя три ночи подряд записывал, во сколько мы засыпаем. Когда спим крепче всего. Кого легче разбудить. У всех на карте были красные точки, Кость. На кроватях.

Костик побледнел. Веснушки на его лице проступили, как сыпь.

— Охренеть, — сказал он тихо. — Охренеть. — Потом схватил меня за рукав. — Слушай. Скажи бате. Сам. Он меня не послушает, он меня никогда не слушает. А тебя… у тебя батя в Helix. Если ты скажешь, что твой батя говорит…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.